

Ольга Скоробогатова

ВОЛЧИЦА

18+

Ольга Александровна Скоробогатова

Волчица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31733424

SelfPub; 2018

Аннотация

Действие романа происходит в конце XX века в Сибирской тайге. Смертельно раненый егерь рассказывает дочери о том, что он когда-то сидел и унес с зоны чужое. Прошло много лет, но его нашли и требуют вернуть похищенное. Умирая, он просит дочь поскорее уходить из дома, иначе ей тоже угрожает опасность. Вероника находит клад и, уходя, решает забрать его с собой. Но за домом уже следит молодой милиционер Митя, который, несмотря на протесты девушки, решает идти с ней в тайгу. Их ждут невероятные приключения. Им предстоит не только выжить, но и преодолеть множество препятствий на пути к своему счастью...

Ольга Скоробогатова

Волчица

роман

Глава 1. ПОГРОМ

Вероника долго ходила по лесу. После смерти матери, а потом и отца, она осталась жить одна на дальней заимке. Собственно, это была не заимка, а старое лесничество. Отец ее много лет служил лесником. В прошлом году зимой, через полтора года после смерти матери, приполз к дому раненый. Вероника поначалу решила, что отец встретился с медведем, одежда на нем была сильно изорвана и вся в крови, потом, разрезав тулуп и рубаху, обнаружила огнестрел. Чёртовы браконьеры, подумала она, никакого покоя не дают! Она тщательно промыла рану, крепко ее перевязала, но поняла, что без помощи врача отец не выкарабкается. Рана была возле сердца, да и крови много потерял. Но как довезти его до райцентра? Идти сама за помощью она не могла – слишком долго – на лыжах до райцентра день пути, привезти врача она сможет только через сутки. Помрет отец... Единственная надежда была на участкового, который теперь редко, но все же заезжал на заимку. Раньше была и дорога, и машина. Но машина сломалась, и отец незадолго до того

случая отвез ее в мастерскую, а дорогу после сильных снегопадов так занесло, что ждать приезда участкового не было смысла. Отец умер утром следующего дня на руках плачущей дочери...

Тряхнув головой, отгоняя тяжелые воспоминания, Вероника нагнулась за грибом. Да и рядом, будто капельки крови, алели гроздья брусники. Девушка уложила боровик в короб за спиной, а бруснику сгребла ладошкой и отправила в рот. Прекрасно эта ягода утоляла жажду! Немного постояв и оглядевшись, Вероника продолжила путь. Она возвращалась к дому, короб тянул плечи, солнце уже клонилось к закату. Скоро совсем стемнеет, а в тайге ночью оставаться страшно. Хотя, она была приучена с детства ко всему. Частенько ходила с отцом на охоту и зимовала с ним в дальней избушке, но то было с отцом, в той, тяжелой, но счастливой прошлой жизни, а одной...

Подходя к дому, она сразу почувствовала что-то неладное. Сняв короб и поставив его в сторонку, она скинула с плеча ружье и медленно стала приближаться к дому. Дверь была открыта настежь. Но она точно помнила, что закрывала ее! Не выбежал из будки ее верный друг – алабай Дон. Вокруг стояла мрачная, пугающая тишина. Вероника спряталась за толстый ствол кедровой сосны и немного постояла, вглядываясь в сумерки. Никого. Что же могло произойти? На заимке явно никого не было, а Дон, раз он не вышел ее встречать, значит... Она сразу поняла, что это значит. Он мертв.

Войдя в дом, Вероника чуть не упала в обморок. И хотя она была девушкой крепкой и закаленной, ей вдруг стало дурно и ее вырвало прямо на пороге. Но она постаралась взять себя в руки, вытерла губы рукавом куртки и огляделась. В комнате все было перевернуто вверх дном! Возле большого дубового стола лежал труп мужчины, а рядом с ним, вернее, на нем с сомкнутыми на горле человека челюстями лежал окровавленный Дон. Еще раз осмотрев свое жилище, Вероника поняла, что в доме больше никого нет, закрыла на засов дверь и осторожно подошла к убитому. Погладив по голове верного Дона, она почувствовала легкое движение. Собака приоткрыла глаза и слегка вильнула обрубком хвоста.

– Дон, милый мой, ты жив! – тихо сказала Вероника, вытирая рукой слезы и размазывая по лицу кровь то ли убитого им человека, то ли собаки. Она осторожно, не без труда, разомкнула мощные челюсти пса и пощупала живчик на изуродованной шее мужчины – мертв... Аккуратно, переложив раненого Дона на скатерть, она с трудом оттащила пса в сторону и стала осматривать его. У собаки было две раны – одна возле горла, другая в районе груди. Вероника как следует прощупала их – на шее оказалась глубокая рана, но пробита была только кожа, подвес, как его называют у алабаев. Это его и спасло. А на груди неглубокая, но сильно кровоточащая. Дон открыл глаза и застонал, при этом лизнув хозяйке руку.

– Это ничего, малыш, я тебе помогу, ты не умрешь, милый мой, не умирай, ты ведь у меня один остался!

Собака тяжело вздохнула, и, растянувшись на подстилке, затихла. Вероника испугалась, что пес умер. Наклонилась к нему и услышала слабое дыхание. Схватив чистые простыни и зеленку, Вероника огромными тампонами промазала раны и туго перевязала их. Затем принесла из сеней миску с водой и поставила перед мордой собаки. Пока все, потом она по-роется в аптечке и найдет какие-нибудь лекарства, которые смогут помочь. Теперь надо осмотреть труп, понять, кто этот человек и что ему было здесь нужно, и вытащить его из дома.

Вероника с опаской подошла к убитому, присела рядом с ним на корточки и не знала, что делать дальше. Лицо у человека было неприятным. На вид ему было лет около пятидесяти. Вероника решила осмотреть его одежду, может, найдет какие-нибудь документы. Одежда была вся в крови. Да... Хорошо его Дон приласкал... В руке был зажат нож. Этим ножом он и пытался защищаться. Вероника сняла с головы платок и аккуратно вытащила нож из обмякшей руки покойника. Так и есть! – подумала Вероника – бандитская заточка. Такие делают на зоне. Она отложила заточку в сторону и стала обследовать карманы убитого. Все карманы были пусты, только в одном, в рубашке на груди, Вероника нашла какую-то смятую бумажку. Это была справка об освобождении.

Итак, к ней на заимку забрел бывший зэк, и видно решил

поживиться чем-нибудь, а, может, просто есть хотел? Но Дон его остановил... Стоп. Что-то не складывается! Зачем ему было переворачивать все в доме? Ведь собака кинулась на него в самой середине комнаты и максимум, что они могли перевернуть в борьбе, это стол и лавки. А в доме было перевернуто все! Может, он был не один? И где был Дон? Почему он позволил ему или им вообще зайти в дом, обычно он чужих дальше крыльца не пускает. Вот тебе и задачка!

Вероника обследовала комнату и поняла, что бандитов было двое. Один, видимо, залез в окно и шарил в доме, а другой, тот который лежал сейчас мертвый, отвлекал собаку. Что произошло потом, Вероника не поняла. Они что-то искали? Что у нее можно искать? И почему Дон не почувствовал второго, того, который беспрепятственно пролез в окно?

Ладно, сначала надо избавиться от трупа и помыть комнату от крови. Вероника сняла покрывало с кровати, и, перекатив на него коченеющее тело, потащила его из дома. С трудом оттащив убитого за забор, Вероника накрыла мертвого покрывалом с головой, нарезала елового лапника и накидала сверху. Придется как-то добираться в район за участковым. Не закапывать же его возле заимки? Справку она аккуратно сложила и положила за стекло буфета, в котором все было перебито, а бутылка с самогоном исчезла. Вероника закрыла ставни на окнах и задвинула засов на двери. Тот, второй, сбежал. Он вполне может вернуться! – подумала она. И ей стало страшно.

Ночью она почти не спала. Ей было не по себе, она боялась, что тот, другой бандит, вернется, и снова попытается пробраться в дом. Ей все время чудились какие-то шорохи и звуки, казавшиеся ей подозрительными и жуткими, но она постаралась взять себя в руки, и занялась лечением собаки. Покопавшись в аптечке, она нашла несколько упаковок ампициллина и решила дать собаке лекарство не только внутрь, но и посыпать порошок на раны, чтобы предотвратить инфекцию. К утру Дон немного ожил, попил воды из миски и заснул. Дышал он тяжело, но Вероника поняла, что это не от ран, а от большой кровопотери. Спасла его толстая, почти непробиваемая шкура. Выживет, подумала она, еще раз взглянув на своего любимца, и, наконец, провалилась в сон.

Она проснулась от собственного крика. Сквозь щели на деревянных ставнях окон просвечивало яркое солнце. Вероника взглянула на ходики, они показывали половину двенадцатого. Дон уже лежал не на боку, а на животе, и тревожно взвизгнул, услышав крик хозяйки.

– Донушка, – протирая руками глаза, сказала Вероника, тебе уже лучше?

Пес слегка пошевелил обрубком хвоста и снова взвизгнул.

– Умница ты моя! Что бы я без тебя делала? Хочешь свежей водички? – ласково спросила Вероника, и, спустив ноги на пол, сунула их в тапочки. Она встала, прошла в сени и вдруг вспомнила свой сон! Зачерпнув кружкой воды из вед-

ра, она сделала несколько глотков, потом налила остатки в собачью миску и отнесла Дону. Пес жадно выпил воду и улегся большущей головой на передние лапы. Он наблюдал за Вероникой. Просто не спускал с нее глаз, словно боялся, что с ней что-нибудь случится, а он не успеет ее защитить...

Ей приснился отец, так четко и ясно... Он погрозил ей пальцем, и строго сказал – «Дочь, вспомни, что я тебе говорил тогда, перед смертью. И выполни то, о чем я тебя просил. Уходи с заимки! Немедля!»

Вероника ласково погладила Дона по голове, пощупала ему нос, нос был теплый, и побрела к кровати. Девушка снова легла и стала вспоминать...

... В тот день, когда отец приполз к заимке раненый, он почти сразу потерял сознание, и пока она его перевязывала, был в забытии. Вдруг отец открыл глаза и как-то странно посмотрел на нее. Он явно что-то пытался ей сказать, но у него не хватало сил. Потом он снова потерял сознание и начал бредить. Вероника не отходила от отца. Она пыталась понять, что он говорил. Но те обрывки фраз, которые ей удалось расслышать, совершенно не давали никакой ясности. Ближе к утру ему, как будто, стало полегче, он открыл глаза и даже дотронулся рукой до спящей на стуле рядом с его кроватью дочери. Она проснулась. А отец с большим трудом начал говорить:

– Дочка, умираю я, – Вероника попыталась успокоить

его, сказать, что он не умрет, начала плакать, но он велел ей замолчать, приложив палец к губам, — у меня слишком мало времени и сил. Слушай. Я когда-то был плохим человеком, сидел, потом вышел, решил начать новую жизнь. Приехал в Сибирь и встретил твою мать. Я полюбил, женился, и через несколько лет родилась ты. Мы были очень счастливы. Но меня, как видишь, нашли. Мне не дали забыть о той моей жизни. И я знаю почему, я виноват сам. — Отец замолчал, тяжело вздохнул и попросил воды. Вероника принесла ему кружку, он сделал один глоток и отдал ей кружку обратно. — Много нельзя, а как хочется в последний раз колодезной водицы напиться... Так вот... Я, выйдя с зоны, прихватил чужое. Думал, что тот, кому это принадлежало, уже умер и спросить будет некому. Там рядом был прииск, и у того пахана был тайник. Он никому о нем не рассказывал, но вот, однажды, подслушал я, как он о своей нычке проболтался. Болел он сильно, знал, что не доживет. Ну, того, кому он это рассказал, тоже быстро в расход пустили, а я-то дурак... Видать, еще кто-то знал...

Вышел я, и тайник тот нашел. Рыжся там было... Золота, значит. Унес я его. Ушел далеко, и решил в тайге затеряться. От Магадана до наших краев-то большие шесть тысяч километров. В городе светиться не стал. Ну, сначала в деревне дом хороший построил, женился, ты родилась, жили хорошо, дружно... А потом испугался и сюда, в тайгу подался лесником. — Отец взял кружку сделал еще

один глоток, и продолжил, — нашли, видать. Хоть и лет много прошло. Не браконьеры то были, те, что в тайге меня прихватили. Нормально так со мной поговорили, не по фене. Спрашивали, дом, мол, мой где. Так я им и ляпнул, что меня тут каждая собака знает, лесник я. Тогда они меня к дереву привязали, стрельнули в меня и смотались. Дон выстрел услышал, ко мне прибежал, веревку перегрыз, обнюхал меня и к тебе, видать, побежал. А я кой-как дополз. — Отец закрыл глаза, помолчал, — все, доченька, не могу больше, ты вот что — уходи отсюда немедленно. Из дома только необходимое бери, а остальное брось. В доме оно припрятано. Тут. Дона бери и уходи сразу, как помру... В избушку иди, в ту, куда в позапрошлом годе ходили. Там и живи, пока все не стихнет. И вот еще... — отец вздохнул тяжело, прерывисто, — тебя тоже без гроша-то не оставил. Там найдешь наследство свое.

Не знала она никогда, что ее отец, ее добрый папочка, мог когда-то быть преступником... Полежал он тогда еще с часок, руку ее все отпускать не хотел, а потом, глаза открыл, улыбнулся ей и сказал — все, доченька, прощай, только сделай так, как я велел! — И умер. Вероника тогда так и не поняла, бредит отец, или все как есть рассказывает. Не приняла она его слова всерьез. А зря...

Похоронила отца рядом с лесничеством, поплакала, погоревала, да и осталась жить там, где привыкла...

Вероника лежала на кровати, глядя в потолок. Как странно... Под самое утро ей приснился такой яркий, такой отчетливый сон, как будто это было наяву. Вспоминая тот страшный день, она будто заново его пережила. Она не могла понять только одного – почему Дон тогда не повел ее к отцу. Не дал ей понять, что ему необходима ее помощь. Может, он боялся за нее? Может, он почуял запах чужих людей и решил, что отцу уже помочь нельзя, а меня надо охранять, спасти от них? Неужели собаки умеют думать?

Глава 2. ДОН

С опаской выглянув во двор, Вероника все же решилась выйти из дома. Вокруг никого не было. Тишина. Если не считать привычных звуков тайги. Побродив по двору, она поняла, почему Дон пустил чужаков в дом. Рядом с его будкой в кустах валялся пустой перцовый баллончик. Странно, как он вообще смог после этого так быстро оправиться, может, сумел увернуться? Хотя, если бы он находился в будке, то он там остался бы надолго, и бандиты бы ушли совершенно спокойно, целыми и невредимыми. Вероника бросила взгляд на то место, где лежало тело убитого Доном человека. Что теперь с ним делать? И вообще, что ей теперь делать самой – быстро собираться и уходить? Но Дон не дойдет сейчас до той избушки, ему надо немного окрепнуть, а потом, за ней могли проследить. Ведь тот второй бандит ушел и бродит

где-то поблизости, хотя, если они нашли золото, то он должен быть уже далеко. Оставалось выяснить – нашли ли они то, что искали?

Вероника вошла в сени и осмотрелась. Сени были почти нетронутыми. Да и где тут можно что-то спрятать? Все видно на просвет! Ведра с водой, нехитрая кухонная утварь. Тут вообще готовили только летом. Зимой все происходило в доме, там и кухня маленькая устроена, и добротная печь, которая зимой и кормит, и греет. Печь... Вероника влетела в комнату, предварительно заперев двери сеней на засов, и прикрыла ставни. В комнате стало намного темней. Но это даже лучше. Не будет видно с улицы, чем она тут занимается. А то, что за ней могут следить, она не сомневалась. Ей лучше бы вообще сейчас пореже из дома выходить. Пока не окрепнет ее верный Дон. Погладив собаку, Вероника подошла к печке, и задумчиво смотря на нее, почесала затылок. Где? Где в печи можно устроить тайник? Помнится, она читала одну книжку, что какой-то там тоже не очень честный гражданин из недорезанных аристократов прятал в печке бриллианты, которые сумел умыкнуть перед раскулачиванием. Да, задачка не из легких. Вот, помнится, мыслились они в печке, когда еще отец баньку на речке не соорудил. И места там хватало им с матерью. Надо бы глянуть. Может, там, в каком-нибудь уголке и спрятано золото? Или где-нибудь между кирпичами? Надо простучать что ли... Только вот какой звук должен быть Вероника не знала. Глухой или наоборот

звонкий? Если пустошь, то, наверное, позвончее...

Вероника вооружилась колотушкой и стала простукивать каждый кирпичик в печи. Звук был везде одинаковый – глухой и ничем не примечательный. Дон с любопытством смотрел на действия хозяйки, иногда тоже постукивая, только обрубком хвоста об деревянный пол. Ему, наверное, казалось, что его хозяйка во что-то с ним играет. Веронике надоело стучать по печке колотушкой, она отложила ее в сторону, и, отойдя к столу, села на лавку. А зачем ей вообще надо что-то искать? – подумала она. Только для того, чтобы убедиться в том, что золота в доме больше нет, и она может спокойно оставаться здесь, и жить, как жила прежде? Но отец во сне сказал ей, чтобы она уходила. Значит, он знал, что золото не нашли! Что за чепуха! Что значит – знал? Он же умер. И ничего уже знать не может!

Вероника все же залезла внутрь печки, обследовала каждый уголок, и часть трубы, но так ничего и не нашла. Вылезла она вся в саже, и даже напугала своим видом Дона. Он слегка рыкнул, но потом, признав хозяйку, с трудом встал и подошел к ней. Он лизнул ей руку и задумчиво посмотрел ей в глаза, будто понимал, что хозяйка занимается очень важным делом. Вероника не пошла мыться на двор, она ополоснулась в небольшом тазу в сенях и снова усевшись на лавку, стала думать, где отец мог спрятать свой клад...

Весь день она лазала по дому, обыскивая каждый уголок, при этом, не забывая ставить все на свои привычные места. И

вскоре навела в комнате относительный порядок. Она вспомнила, что уже несколько дней не поливала фикус, который всегда стоял возле окна в большой кадке. Фикус, кстати, тоже валялся на полу, и почти половина земли была высыпана. Она аккуратно прикрыла землей оголившиеся корни и поставила его на привычное место. Земля была слишком сухая, и Вероника решила полить растение. Взяв небольшой кувшинчик, которым она всегда поливала цветы, стоявшие на окнах, девушка полила огромный фикус и поставила кувшин на окно. Герань можно было уже не поливать. Все цветы были безвозвратно испорчены. Горшки разбиты, а листья уже успели почти полностью завянуть. Вероника собрала их в ведро и вынесла из комнаты. К вечеру пошел дождь, крупные капли задолбили по железной крыше, в комнате стало совсем темно, Вероника зажгла керосиновую лампу и решила приготовить себе что-нибудь поесть, и покормить Дона. С утра у них во рту и маковой росинки не было. Кстати, Дону надо было снова дать таблетку и обработать раны.

Девушка порезала хлеб, почистила луковицу, отрезала кусок овечьего сыра и налила из кринки, стоявшей в сенях, кружку молока. Это был ее ужин. Дону она намяла в миску хлеба и залила все это молоком. Алабаи собаки всеядные, и едят почти все. Он с удовольствием съел предложенный ему ужин, вылизал миску и поблагодарил хозяйку, лизнув ее в нос огромным розовым языком. Вероника улыбнулась, и ласково погладив пса, сказала:

– Идешь на поправку, мальчик. Еще чуть подождем, окрепнешь, и двинемся к дальней избушке. К тетке в деревню соваться страшно – бандиты и там могут появиться. Да и зачем еще и ее под удар подставлять? Вот только как мне узнать, забрали они то, что искали? – она отнесла пустую миску в сени, поставила ее под табуретку и села.

И тут Дон тяжело вздохнул, встал и подошел к ней. Он внимательно посмотрел ей в глаза, и сел рядом.

– Что? Что ты хочешь? Гулять? На двор?

Собака не шелохнулась.

– Давай тут, в сенях свои дела делай. Лучше я уберу за тобой. Я тебя на двор не выпущу, и сама не пойду, даже с ружьем.

Кобель снова посмотрел Веронике в глаза, потом взял ее за поясок платья и потянул к окну. Вероника испугалась. Где-то в глубине ее тела все задрожало и захватило дух. Неужели этот второй бандит бродит где-то рядом или стоит возле того окна, к которому ее тянет Дон? А вдруг их вовсе не двое? Вдруг есть еще кто-то? С одним они с Доном как-нибудь справятся, а вот с двумя или с тремя...

Но девушка быстро успокоилась, так как Дон не проявлял никаких признаков беспокойства. Он не скулил, не рычал, а просто держал ее за пояс платья и тащил к окну. Нет! К фикусу!

– Зачем ты меня туда тащишь? – спросила у собаки Вероника.

Дон отпустил ее платье подошел к огромному цветку и, что было сил, ударил по кадке головой. Фикус снова упал. Земля рассыпалась и тут Вероника увидела, что внутри есть еще один горшок! Значительно меньше, чем сама кадка!

— Боже! Дон! Как же я не догадалась раньше? А эти два дебила, ведь почти добрались до цели. Но... А, может, я ошибаюсь? И там ничего нет? Мало ли что может прийти на ум собаке? Дон обиженно зарычал, отвернулся от Вероники и пошел на свою подстилку. Он лег, и, положив голову на лапы, стал наблюдать за действиями хозяйки.

Девушка подошла к окну, задвинула шторы. То же она сделала и с остальными двумя окнами. Притушила свет керосинки, и, взяв в руки нож, стала осторожно вытаскивать горшок из кадки. Ей не хотелось портить цветок, надо было оставить все так, как есть, чтобы бандиты не догадались, где было золото, и есть ли оно там?

Наконец, ей удалось вытащить глиняный горшок. Она поставила цветок рядом и заглянула на дно деревянной кадочки. Там что-то лежало. Мешок. Мешок был старым и рваным, с подтеками воды, ведь фикус много лет поливали. Вероника взялась рукой за веревку, стягивающую мешок, но поднять его не смогла. Он был тяжелым. Тогда она взяла все тот же нож, и, отрезав веревку, раскрыла края полотняного мешка. Он был наполнен маленькими, точно такими же мешочками. Мешочков было много. Она взяла один, развязала веревку и высыпала на руку содержимое. Это было золото.

Золотой песок...

Вероника с удивлением смотрела на переливающиеся при тусклом свете керосиновой лампы золотые песчинки и не знала, что ей теперь со всем этим делать...

– Ну, Дон, ты даешь! Откуда ты-то узнал, где отец золото спрятал?

Дон кокетливо взвизгнул, и, изогнув мощную шею, отвернулся от Вероники. Это он так с ней заигрывал. Он очень любил, когда его хвалили, впрочем, как и все собаки, да и не только собаки!

Глава 3. УЧАСТКОВЫЙ

Вероника легла спать. Была уже глубокая ночь, и, несмотря на такое количество событий, надо было хоть немного отдохнуть. Кто знает, когда снова явятся эти уроды. То, что их было не двое, она уже поняла. Это шестерки, а заправлял ими кто-то покруче. Но сам он сюда нос не совал! И еще ее мучило одно обстоятельство. Почему они явились за золотом только летом, а не зимой, сразу после убийства отца? Вопросов было так много, что в голове все перемешалось. Если они узнали, что отец, тот человек, который украл золото, почему сразу не пришли в дом и не попытались с его «помощью» забрать «свое»? Значит, они сомневались в том, что отец именно тот человек. Они узнали, что отец стал лесником, но прошло столько лет! И тот человек – пахан, умер уже

20 лет назад. Что за головоломка? Кто-то, кроме отца, тогда подслушал разговор и видимо отсиживал свой срок. Теперь вышел и стал искать. А когда именно он вышел, и сколько лет ушло на поиски человека, унесшего золото, которое им, кстати, тоже не принадлежало, Веронике было неизвестно. Вот и думай теперь – чье теперь это золото – того мертвого преступника, отца, или этого, неизвестного ей человека? Кто по справедливости должен им владеть? Девушка знала точно только то, что это золото, когда-то было украдено с прииска, и принадлежало по праву только государству. Но идти с этим мешком в милицию ей совсем не хотелось... Доказывай потом, что ты не верблюд! Тогда что делать? Золота много, может, взять несколько мешочков, собраться, и потихому смотаться в свою дальнюю избушку, о которой никто не знал? Это опасно! Они могут проследить, куда она идет. Хотя... Пока Дон с ней, ей бояться было нечего. Он почует чужаков. И сразу станет ясно – следят за ней или нет. Или идти к тетке в деревню? Она давно звала ее к себе. Сколько, мол, можно жить в лесу, как отшельнице. А тут и молодые люди, замуж уж, поди, пора выходить. А в лесу своем, где ты мужика найдешь? Права тетка. В лесу она, кроме бандитов ни одного подходящего мужика еще не встречала. Да и не до мужиков ей сейчас! Разобраться бы в том, что происходит, и что делать дальше!

Нет, к тетке опасно! Они, наверняка уже ее вычислили. Может, даже засаду там устроят. Поймают и невесть что сде-

лают со мной, думала Вероника. Выход был один – затаиться в дальней избушке и сидеть. Только вот сколько сидеть? Отца вон, через 20 лет нашли. И меня найдут. Хочешь, не хочешь, а придется в милицию идти. Время сейчас нехорошее... Перестройки всякие, переделы. Раньше все было ясно и просто, а теперь, не знаешь, чего ждать... Под эти мысли, глаза у Вероники начали слипаться и она заснула. В комнате было темно и тихо, возле ее кровати, примостился ее верный страж Дон. Он решил быть к ней поближе, чтобы его любимой хозяйке ничего не угрожало...

Утром Вероника проснулась от рыка Дона. Она вскочила, схватила ружье и стала ждать. Но тут она услышала отдаленный рокот мотора. К заимке подъезжала машина. Звук не был похож на их старенький УАЗ. Значит, это не Семёныч – местный мастер, который должен был пригнать ей отцовскую машину, которая всегда ломалась. Да и не знала она уже, что с ней делать – отдать Семёнычу что ль? Пусть на запчасти разбирает.

Она тихонько вышла в сени и увидела машину участкового. Вероника с облегчением вздохнула, но дверь сразу открывать не стала, мало ли что? Из машины вышел молодой милиционер, совершенно не похожий на их участкового Петра Григорьевича. Может, заболел? Или уволился?

Вероника стояла молча, и приказала молчать Дону. Скорее всего, это, конечно, милиционер, но кто его знает? Вдруг бандит переодетый?

В дверь постучались. Вероника, немного подумав, все же решила отозваться.

– Кто там? – спросила она.

– Я ваш новый участковый. Зовут меня Виктор Александрович. Я из города приехал. Буду теперь у вас работать.

– Ага! – с усмешкой сказала Вероника, – Так я тебе и поверила! Где старый участковый? Документы покажи, и вообще, проваливай отсюда, у меня все хорошо! Я милицию не вызывала! – выкрикнула она и Дон, в завершении диалога хозяйки угрожающе зарычал.

– Нормально, говорите? Ну, тогда я поехал, коли, Вам моя помощь не нужна! Будьте осторожны только! В районе появились беглые преступники.

– И много их? Сбежало-то?

– Так и будем из-за двери разговаривать? – спросил милиционер. – Другая хозяйка бы уже в дом пригласила, кваском напоила. Жара-то, вон какая! Да и вонь у Вас тут на дворе жуткая...

– Подойди ближе! – скомандовала Вероника. – Просунь свои документы под дверь, я прочту и верну. А на тебя из окна посмотрю.

– Вижу, у тебя девица совсем не все в порядке! Но удостоверение свое я никому в руки не даю, не положено!

– Ну, ладно, проходи, Дон, место! – Вероника открыла дверь ипустила милиционера в сени.

После тщательного изучения удостоверения, девушка, на-

конец, пригласила участкового в комнату.

Дон неохотно отошел от хозяйки и лег на свою подстилку. Милиционер прошел в комнату.

– Садитесь, коль пришли! – сказала Вероника, не расставаясь с ружьем.

– Ружье-то поставь куда-нибудь. Вон у тебя какая охрана. – Засмеялся молодой парень-участковый.

– Ну, чего надо? – снова спросила девушка, положив ружье на пол.

– А разве прежний участковый к вам не навевывался? – удивился новый.

– Что ему тут делать-то? – Потом все же созналась, – навевывался, по дружбе. С отцом дружил. И меня берег.

– С отцом дружил, говоришь? Даже, несмотря на то, что батя твой в прошлом сидел?

– Все ты знаешь! Да, знал он о его грехах, видно. Мне ничего не говорили, отец только перед смертью сказал.

– Так кто отца твоего убил? Так и не нашли преступников?

– Браконьеры! Кто ж еще! – бойко ответила Вероника.

– А я дело посмотрел. Нет там ничего. Глухарь! Никто так и не нашел тех двоих.

– А откуда знаете, что их двое было.

– Так в деле написано. Да ты ж и сказала тогда участковому, что их двое было! С твоих слов...

– Мало, что я говорила! Как сказал отец перед смертью, так и я сказала. А где дядя Петя-то? На пенсию ушел? – спросила Вероника. – Вроде рано ему еще.

– Убили его! – сказал новый участковый и снял фуражку. Вероника почувствовала легкое головокружение, ей стало не по себе. Это страх подкатывал к горлу, а потом опускался ниже, куда-то в район желудка. А голова плыла сама по себе, от переизбытка событий и ужасающей информации...

– А кто? – еле найдя в себе силы, спросила Вероника.

– Да вот пока ищем... К тебе он, красавица, ехал... Машина его на дороге стояла, а он к дереву привязанный и мертвый. Выстрел один, в сердце!

– Знаю я, кто это был. Одного только.

– Во-от! Не зря, видно, заехал. Рассказывай, что у тебя тут происходит. Вон собака вся изранена, и ты дрожишь, как осиновый лист от каждого шороха. Только правду давай говори.

– Что знаю, то и скажу! – Вероника встала, подошла к буфету и достала из-за стекла справку об освобождении, мертвого бандита. Она отдала ее милиционеру и подошла к двери.

Участковый прочел справку и убрал в кожаную папку, лежавшую на столе. И вопросительно посмотрел на девушку:

– Откуда справка?

– Ты говорил воняет во дворе? Надо эту свинью закопать или увезти к вам.

– Какую свинью? – не понял участковый.

– Вон он, мертвый за забором лежит. Дон его... Залезли они ко мне в дом. Двое их было. По следам поняла. Этого Дон загрыз, уже раненый. Он его заточкой резать хотел. А другой, все в доме перевернул и сбежал. Вот и все, больше ничего не знаю.

– А ты где была, когда это все происходило?

– В тайге. Грибы собирала, силки смотрела. Есть-то надо что-то. Я живность не держу. А последнюю овцу, у нас с Доном с неделю назад утащили. Волки, видать. Следы были видны. Только размытые, может, и собака.

– Что же Дон с ними не разобрался? – Улыбнулся милиционер, – он же волкодав.

– После смерти отца, он от меня и от дома не отходит.

– Так что же ты в тайгу одна ходила, без него?

– Я далеко не отхожу и ружье у меня всегда с собой. Кого мне было бояться, кроме зверей? А Дон дом охранял. Я его на цепь не сажаю, он, если, что почует, прибежит на помощь. Умный он у меня.

– Сначала покажи заточку, потом пойдем труп смотреть. Да поеду за экспертами и труповозкой. Может, со мной поедешь?

– А это еще зачем?

– Да боязно мне тебя оставлять тут. Вдруг тот второй явится? Слушай, а что им надо-то было?

– А кто их знает? Может, поживиться чем хотели, может,

голодные.

– Ну, ты тогда в доме запришься, и никуда до моего приезда не выходи. Поняла?

– Поняла, не дура! Я так и сидела в доме. Жду, пока Дон в силу войдет. А с ним мне ничего не страшно.

– А если его подстрелят? Не думала об этом?

– А зачем им это?

– Из мести. Тот-то, второй видел, как Дон с его дружкой расправился.

– Ну, вот и неповадно будет!

– Больно ты храбрая! Участкового-то убили! Что-то они тут возле твоего дома кружат, непонятно мне!

– А кто их знает! – опустив глаза, сказала Вероника.

– Зимой, когда отца убили, ты никого в тайге не видела? К тебе сюда не приходили?

– Нет! Думаю, что это просто залетные браконьеры были.

– А я так не думаю! Почерк один. Отца твоего и участкового, одинаково убивали. К дереву привязали, а потом...

– Все, хватит воду в ступе толочь! Езжай за своими. А то пока туда доедешь, пока обратно, темнеть начнет. Конец августа уже, а не июнь. Уже к семи вечера сумерки надвигаются, а в девять хоть глаз выколи!

– Бойкая ты девка, как я посмотрю! Все. Понял, поехал я. Держись тут! А потом решим, что с тобой делать будем. Надо тебя куда-то из леса переселять. Неужели одной не скучно?

– Да, привыкла я уже!

– Теперь опасно. Все. Я постараюсь побыстрее обернуться! – участковый сел в машину и уехал.

Вероника постояла чуть возле крыльца, потом быстро вывела Дона на двор и снова закрылась в доме. Ей было страшно, по-настоящему страшно. Может, зря она не сказала ему про золото? Нет. Еще рано. Надо понять, что за фрукт этот новый участковый. И разобраться с тем, как были связаны отец и дядька Пётр. Может, отец рассказал ему про золото? И как теперь узнаешь об этом, когда оба они мертвы?

– Ой, мамочки! – заплакала Вероника. – Ну, и вляпалась же я в историю! Что же мне делать-то теперь? Помогите мне, Господи, страшно-то как! – причитала Вероника, закрывая двери и ставни в доме.

Глава 4. МИТЬКА

Весь день Вероника просидела в доме. Ей было невыносимо скучно, она привыкла к воле, а тут... Сиди сиднем и никуда не высывайся! Хотя, ей было о чем подумать. Этот новый участковый ее озадачил. Уехал, так ничего и не сказав. Тот, которого убил Дон, был не беглый, справка-то об освобождении есть. Правда, она могла быть поддельной. А вот второй, второй мог сбежать. Да и не складывалось у нее ничего в голове. Не могли два эти мужика проделать такой путь – искать отца целых 20 лет из-за какого-то там золота, которое украли так давно. Сколько им лет-то тогда было?

По 25? Слишком молоды. И Вероника сделала совершенно правильный вывод, что был кто-то третий, тот, который всем этим заправлял. Вот он и сбежал, наверное. А эти двое – шестерки.

Вероника осторожно выглянула в щель между ставнями. Во дворе все было спокойно – никого и ничего. Как сквозь землю провалились! Ведь они не нашли золото. Значит, должны прийти снова. Если они уверены, что оно спрятано в доме. Нет, это, конечно, хорошо, что бандиты больше не появлялись, просто странно как-то... И что теперь ей делать? Уходить? Так жить больше нельзя. Надо подаваться к тетке или уходить дальше в тайгу, туда, где ее никто никогда не найдет. Ей было интересно, вычислили ли бандиты тетку. Вычислили. Скорее всего! Если убили участкового, который был связан с отцом крепкой и долгой дружбой, значит, и родню тоже уже пасут. Как бы с теткой не случилось чего!

И еще она не знала, что теперь делать с «фикусом». Оставлять его здесь, как велел ей отец, или унести с собой? Может сознаться участковому, ЧТО искали беглые у нее в доме? И отдать его от греха? Мысль-то правильная, только вот отец про это ничего ей не говорил. Он велел ей просто уйти, про сдачу золота в милицию не было и речи. Значит, он боялся, что ее могут привлечь к ответственности за его прошлые грехи.

Вероника налила себе в кружку воды, села в сених на скамеечку и, наблюдая за участком перед домом, с удовольстви-

ем напилась. Вода в их колодце была очень вкусной. Никакого чаю не надо! К ней в сени вышел Дон и сел рядом.

– Тоже пить хочешь? – спросила его Вероника.

Дон положил ей на колени огромную белую голову и вздохнул.

– Понятно – хочешь на двор. Что ж пошли. Только ружье прихватчу!

Девушка вернулась в комнату, взяла ружье, и, открыв дверь, выпустила собаку на улицу. А сама осталась стоять на крыльце, держа ружье наготове.

Но, слава Богу, все обошлось, Дон сделал свои дела и довольный побежал к дому, но вдруг, резко остановился и повел носом в сторону подлеска. Потом еще немного постоял и прибежал к хозяйке.

Вероника была озадачена таким поведением Дона. Он не рычал, просто понюхал воздух. Что это могло означать? Почуял какого-нибудь зверя? Или просто из любопытства? Но собака больше не выражала никакого беспокойства. Успокоилась и Вероника. Она закрыла задвижку двери, еще раз проверила ставни окон и пошла за Доном в комнату.

Ближе к вечеру Дон насторожился, и через какое-то время Вероника сама слышала гул мотора. К дому подъехали две машины. Одна была машиной участкового, а вторая что-то вроде медицинской. Труповозка – подумала Вероника, и ее передернуло. Открыв дверь и оставив Дона в доме, девушка вышла во двор навстречу милиционерам. Их было трое.

– Хорошо, что до темноты успели, – сказала Вероника Виктору.

– Вот, привез экспертов, сейчас зайдём в дом, покажешь, где лежал труп, и как все было. Зря ты тут все убрала!

– Ага! А как мне тут жить-то? Тут все перевернуто было, кровищи море, и покойник... А если бы вы не приехали? Вызвать-то я милицию не могла. Дон ранен был, второй бандит сбежал. Идти до деревни пешком, а потом ещё до райцентра добираться – верная смерть!

– Да ладно уж! Убрала, так убрала, просто покажи, как все было.

Вероника показала, где лежали мертвый мужик и собака. Рассказала, что стол и лавки были перевернуты, а в доме был жуткий беспорядок. Даже в подпол лазили и все там перевернули вверх дном!

– Только я в подпол не лазала, темно там. Так, глянула только.

– Вот и отлично, мы там тоже поработаем, может, пальчики какие сохранились где. А ты, – обращаясь к Веронике, – сейчас лучше в доме посиди. Мы там со жмуриком пока разберемся. – Сказал один из экспертов-криминалистов.

Вероника открыла подпол, и один из незнакомых ей милиционеров залез туда. Другой стоял вместе с Виктором возле покойника. Они долго о чем-то переговаривались, фотографировали, потом подошли к другой машине и вызвали двух здоровых мужиков. Те вышли с носилками, переложив

ли на них тело, задвинули их в машину и уехали. Вероника, наблюдавшая за всеми манипуляциями из окна, облегченно вздохнула и вышла на двор.

Виктор и тот, с которым он стоял возле убитого, сидели в машине и курили. А тот, что шарил в подполе, стоял, облокотившись на капот машины, и задумчиво осматривал окрестности. Вероника подошла к ним и спросила:

– Ну, и что нашли?

– Мы, красавица, ничего не нашли. Только пальчики сняли. А ты нам сейчас свои оставишь.

– В комнате моих полно, а вот в подполе больше отец бывал. Его пальцев там много, а я туда с детства боялась лазать. Правда, папы уже больше полугода нет в живых.

– Хорошо твой песик этого гражданина отделал. Только откинулся и вот те раз! Шансов выжить не было совсем. Даже если бы это при тебе произошло. Помочь ему уже нельзя было.

– Алабаи серьезные собаки. – Согласилась Вероника. – Видела как-то, как он с волком разделался – секунда и все...

– Ты, вот что, заявление нам напиши, как положено, а мы его к делу пришьем.

– К какому еще делу? – удивилась Вероника.

– Как к какому? К убийству.

– Я никого не убивала.

– Да нет, ты напиши, как ты вошла в дом, а там... В общем сама знаешь. Грабежа не было. В доме ничего не пропало?

– Нет. Ничего.

– Зачем же они приходили? – задумчиво произнес Виктор.

– Пожрать нашли бы и ушли. Да выпить, небось, было? Зачем погром устраивать?

– Вот! Точно, – улыбнулась Вероника, – бутылка самогонки пропала. Стояла со времен отца.

– Ну... Это несерьезно! – сказал криминалист. – Такой погром! Они искали у тебя тут что-то! Не знаешь что? – и хитро посмотрел на Веронику.

– Почему мне знать? – ответила девушка и опустила глаза.

– Ты б правду нам сказала? Если знаешь, конечно. Ведь если не нашли, придут опять.

– Поэтому она и трясется, что ждет визита! Ну, девонька, скажи, ты что-то знаешь?

Вероника сидела за столом и писала заявление. Она подписалась, и еще раз прочитав свое сочинение, удовлетворено кивнула головой.

– Вот. Все, что было, написала! Не знаю больше ничего. Единственно, что вам могу сказать – отец мне перед смертью говорил, чтобы я отсюда уходила, когда помрет.

– С чего бы это? – заинтересовался криминалист.

– Откуда же мне знать? Боялся за меня, наверное. Ведь тут в тайге одной бывает страшно. Но я привыкла и никогда не думала, что кто-то может у меня бардак устроить, залезть в

наш дом! Тут нечего украсть! Что в этом доме можно взять? Мы бедно жили. Так как все!

– Так батю-то ее вроде убили? – спросил криминалист у участкового.

– Убили. Клиент-то наш оказался! Правда, дела давно минувших дней... Потом жил честной и праведной жизнью.

– Может, узнал кого из тех, которые его порешили? – проговорил Виктор и посмотрел на Веронику. – Не говорил ничего?

– Нет. Не говорил. Велел уходить и все.

– Странно как-то! Слушай, может, с нами поедешь? Говорят, у тебя родня в деревне? – спросил криминалист.

– Тетка у нее там. Наведался я к ней сегодня. Там пока никто не появлялся, но тоже опасно, – сказал участковый. – Тут помозговать надо.

– В общем, Вероника, дела такие – тот которого твой Дон порешил, действительно откинулся с зоны. Справка настоящая. С ним еще один был, тот, которого Дон не успел достать. Этот видно в бегах. Они в кабаке случайно встретились и сговорились, мол, давай теперь вместе дела проворачивать. Тем более освобожденный гражданин жить честной жизнью советского человека и не собирался. Но самое интересное это то, что руководит ими еще один. Авторитет! Большой вес, говорят, в криминальном мире имеет, – сказал эксперт.

– Откуда ты все это знаешь? – удивленно посмотрев на

своего коллегу, спросил участковый.

– Справочку я проверил, а потом, есть у меня людишки, просветили. Видели их часто вместе. Двоих. Уже даже знаю, кто он. А вот про пахана их мне еще ничего неизвестно.

– Ну, что, здесь останешься или все же с нами поедешь? – спросил участковый.

– Нет. Не поеду. Тетку подставлять не хочу, а сама тут с Доном останусь. Залетные это какие-нибудь. Нечего у меня тут искать. А, может, перепутали что. Не являются же больше! – сказала Вероника, и ей стало невыносимо стыдно. Эти люди пытались ей помочь, а она им бессовестно врала!

– Ну, тогда не поминай лихом! Поехали, а то уже скоро утро. Долго мы тут у тебя задержались! – сказал участковый и вышел из дома. За ним потянулись и оба его коллеги.

Вероника вышла на крыльцо их проводить. Тьма была такая, что не было видно даже машины. Ночь была пасмурной и безлунной. Виктор обернулся к Веронике, подмигнул ей и негромко свистнул.

Девушка ничего не поняла и даже немного испугалась. Дон насторожился и вздыбил шерсть на холке и хвосте.

Виктор достал электрический фонарик и осветил им подлесок. Из кустов появился какой-то человек. В темноте было не разглядеть. Фонарь погас. К Веронике и Виктору подошел молодой симпатичный парень лет восемнадцати-двадцати.

– Коль ты решила остаться, – тихо сказал Виктор, – я с тобой оставляю этого парнишку. Мне так спокойней будет.

– Это что? В качестве охраны? – засмеялась Вероника, – что-то он больно хлипкий!

– Мал золотник да дорог! Других не имеем. Да ты потише кричи-то! И не обижай его тут! Все, мы поехали, а вы быстро в дом, и запритесь хорошенько!

Виктор стоял до тех пор, пока Вероника с парнишкой не зашли в дом, и не услышал звук закрывающейся щеколды. И только потом машина завелась и уехала.

Молодые люди стояли напротив друг друга и не знали с чего начать разговор. Дон спокойно отреагировал на гостя. Он подошел к нему, тщательно его обнюхал, слегка вильнул хвостом и лег на свою подстилку.

– Значит, это ты прятался в подлеске? – догадалась Вероника.

– Я.

– А зачем?

– Меня Виктор Александрович прислал. Ну, пока добрался, в общем, часов с двух дня тут торчу. Тебя охраняю.

– Тоже мне охранник! Да тебя соплей перешибешь! – засмеялась Вероника.

– Ну, это мы еще посмотрим.

– А звать-то тебя как? – спросила Вероника.

– Митькой все зовут!

Глава 5. ОН ВЕРНУЛСЯ!

– Ну, Митька, располагайся, будь как дома! – сказала Вероника и засмеялась.

– А что ты смеешься-то? – удивился Митька.

– Не знаю. От страха, наверное.

– А ты думаешь, сегодня сюда кто-то снова придет?

– Откуда я знаю? Просто побаиваюсь.

– А ты действительно не догадываешься, кто это и что им у тебя надо? – спросил Митька.

– Тебя сюда ко мне для извлечения информации подсадили?

– Чтобы ты была в безопасности! – обиделся парень.

– Да что с тебя взять-то? Кто ты есть таков, чтобы тебя матерые бандиты испугались?

– Ну, во-первых – они будут знать, что ты в доме не одна.

– Я и так не одна. Со мной Дон.

– Дон ранен. И не сможет в полной мере защитить тебя.

А потом, я все же человек, со мной и поговорить можно.

– Во, во! И я о том же! Ты хочешь выведать у меня, зачем сюда ко мне залезли и что искали?

– Да ну тебя! Дай лучше чего-нибудь пожрать. С утра ничего не ел.

– А у меня кроме засохшего хлеба и лука ничего не осталось. Есть еще немного кислого молока, но это для Дона. Ему надо окрепнуть.

– А как же ты тут живешь? – удивился Митька.

– Как, как! Охочусь, грибы, ягоды собираю. Рыбу ловлю.

Вон, река какая... Ну, всякую крупу нам привозили из деревни. Из райцентра отец возил кое-чего. А так, участковый наш дядя Пётр, частенько, то картошки, то еще чего привозил. Мясо у нас всегда было – охотились, а больше и не надо ничего. Вот только сейчас ничего не осталось почти, дядю Петю-то убили. А я все думала, что это его нет так давно? Уже больше недели...

– А хлеб где брала?

– Пеку я его. Только в подпол за мукой не полезу. А в доме кончилась.

– Может, мне слазить?

– Нет уж. Сиди лучше.

– А молоко откуда?

– Раньше у меня коза была, так заболела чем-то, пришлось зарезать, пока не издохла. Овцы были. Но после того как папы не стало, продала всех. Одну, правда, оставила. Мне молока хватало. А тут на днях, волк ее утащил. Дон не уследил. Ведь он теперь от меня не отходит.

– После чего не отходит?

– После смерти отца! За меня боится. Он к нему прибежал, услышал выстрел. Веревки перегрыз и ко мне вернулся. Охранять! И теперь всегда рядом со мной. В тот раз, когда эти гады залезли в дом, я его насильно дома оставила. Приказала, чтобы охранял дом. Зря. Не ранили бы его тогда. Я-то тайги никогда не боялась, да и память короткая... Забыла, что отца в тайге убили. Раньше думала браконьеры, а теперь

вот поняла – бандиты это!

– А ты точно уверена, что овцу волк утащил?

– Там следы были.

– А, может, это те же бандиты, только с собакой?

– Нет, следы волчьи были... А там... кто его знает? На траве они были, только один на песке, может, и перепутала.

– Думаешь, они где-то в тайге в избушке какой-нибудь живут?

– Может. Думаю, они ходят за продуктами, но вдруг им шашлыка захотелось? Или деньги кончились. Но собака... Ты знаешь, Митька, как-то раз, когда отец в тайге был, он же лесником служил, – пояснила девушка, – а я на рыбалке, мне показалось, что в доме кто-то был. Ну, когда я вернулась.

– И как ты догадалась?

– Да предметы как-то не так стояли. А один раз вообще вся мука из бочки высыпана была. Мы ее в подполе держим в железной бочке, чтобы мыши не жрали. Да и хранить ее лучше в холодном месте. А тут – бочка перевернута, и мука на полу. И рассыпана так чудно, будто ее специально перебирали. Вот тогда Дону досталось!

– А почему вы решили, что это он?

– А кому еще-то? Он тогда, бывало, дурака валял – то погрызет что-нибудь, то порвет... Но теперь я уверена, что это был не он.

– Вероника, а как же он пустил-то чужого? Ты об этом думала? Если не он муку испортил, значит, он допустил в

дом чужака!

– А я об этом не подумала! Получается, что это был кто-то, кого он знал! И хорошо знал...

– И много таких?

– По пальцам пересчитать...

Вероника почему-то подумала о черной овчарке, любимице дяди Петра. Где она теперь, если хозяина нет? Ведь он был бобылем. Надо будет у милиционеров спросить. И если что к себе взять.

– А на кого бы ты подумала? Кто мог в дом ходить и муку рассыпать?

– Дон мог впустить в дом только двоих, нет, троих, тетку еще. Но она к нам редко навещалась.

– А остальные двое?

– Дядя Пётр, участковый, и механик, что отцу машину все время пригонял. Семёныч. Он их даже вроде как любил. Гладить себя позволял. Больше вроде никого вспомнить не могу. Да нет больше таких людей. Если вдруг приходили какие-то охотники или начальство из лесничества, так он вел себя очень настороженно. В дом бы не пустил.

– Получается хреновая картинка! Егерей, охотников, и всякий там чужой люд он не пускал. А своих – Семёныча, бывшего участкового и тетку любил...

– Ты на что это намекаешь? – с вызовом воскликнула Вероника.

– А на то и намекаю. Значит, шарил у вас в доме кто-то

из тех троих. Которых Дон хорошо знал. Вот и думай теперь – кто из них что-то у вас в доме искал. Кто, по сути, вам с отцом был врагом, а не другом!

– Ну, тетку я отметаю сразу! Она уже совсем старая и чудная. Да и любит она меня очень. Я ведь ей как дочь. У нее своих детей нет. Сестра она материна. Родня. Да и что можно тут у нас искать?

– Ага! А вдруг наследство какое оставили им с твоей мамой, а мама все себе заграбастала?

– Ой! – махнула ладошкой Вероника, – наследство! Да мама с теткой голью перекатной всегда были. Мама у меня больно красивая была! Отец, когда женился на матери, ну, так мне тетка рассказывала, да и мама иногда, очень они зажили хорошо. Батя дом рядом с теткинским поставил. Добротный, теплый. И одеваться стали хорошо, не в телогрейках, как раньше, и есть сладко стали.

– Так откуда же у отца твоего денег столько было?

– А я откуда знаю? Он же освободился тогда только это в... дай вспомню... в 65 году было. Деньги на зоне заработанные не тратил. Ну, так мне тетка говорила. Потом уже, когда он умер. Я вообще не знала, что он сидел. Освободили его досрочно, за хорошее поведение. Он ведь не убийца был, а так, за что-то там попал. Тоже, думаю, ничего хорошего, конечно. Но потом вину искупил и работал всю оставшуюся жизнь честно! Сколько он браконьеров поймал – не сосчитаешь. И ранен был два раза, и медведь его драл. Много всего

было.

– Что-то ты увлеклась! Знаю я, что батя твой потом честным человеком стал. Ты думай, кто мог быть вам врагом? Механик или участковый? – Митька, даже сам испугался своих слов. Как же можно – участковый и вдруг враг... – Выходит, механик Семёныч! Больше некому.

– Ой, да Семёныч трезвый был только тогда, когда машину отцу пригонял. Пьет по-черному.

– Ну, вот и ответ! Денег на пьянку не хватало, вот он тайком и шастал к вам – поживиться чем-нибудь. А, может, просто самогон искал!

– А, может, ты и прав. Так, не со зла... Просто искал выпить. А я тут надумала себе! – и весело рассмеявшись, Вероника вышла в сени за остатками хлеба. – Сейчас чай заварю, он у меня вкусный с травками. Попьем чайку с хлебушком. А потом решим, что делать. Утром твои менты приедут, попросим, чтобы привезли поесть чего-нибудь.

– Но, но! Менты. Это что еще такое? Милиционеры! – поправила ее Митька.

– А сам ты тоже хочешь стать ментом? Ой, милиционером?

– Да. Курсант я. Из Москвы.

– Из самой Москвы? – вскрикнула девушка.

– А что тут такого? Приехал к дядьке на лето. А он мне вот такую практику устроил.

– А дядька, это Виктор?

– Угадала. Он самый.

– И что же он родителям твоим скажет, если с тобой что случится?

– А что случится-то? Посижу тут с тобой, поохраняю, и через две недели домой – тю-тю...

Вероника взглянула в щель ставни, вскрикнула и замерла с заварочным чайником в одной руке, и с баночкой для чая в другой... Митька вскочил с лавки и подбежал к ней – в туманной предрассветной дымке за небольшой поляной, возле самого края тайги стоял человек и смотрел в сторону дома. На нем была накинута плащ-палатка с капюшоном, так что разглядеть его лицо было невозможно, в руках он держал ружье...

– Он вернулся – с ужасом прошептала девушка.

– Да, Вероника, к нам гости!

Глава 6. В ДАЛЬНЮЮ ИЗБУШКУ

Митька, не спуская глаз с лесного гостя, полез рукой за край широкой рубашки и вытащил пистолет. Вероника с ужасом смотрела на молодого парня. Она даже не представляла, что у него может быть оружие!

– Оружие в доме есть? – спросил он у Вероники.

– Вот ружье, мое. Оно заряжено. И отцовское.

– А патроны?

– Вот, даже много. – Вероника открыла шкафчик комода,

в котором они с отцом всегда держали патроны.

Интересно, подумала она, а почему они патроны не взяли? Ведь их нашли. Наверное, своих полно, – решила Вероника и вытащила одну коробку. Митька взял патроны и зарядил ружье отца. Дон внимательно наблюдал за манипуляциями хозяйки и гостя.

– А что это Дон такой спокойный? – спросил Митя.

– Так не чувствует угрозы пока никакой. Мужик стоит на краю леса, к дому не подходит. Чего раньше времени нервничать?

– Ты так говоришь о собаке, будто она умеет думать. Она должна команды выполнять и все!

– Ха! Это у вас в ментуре немецкие овчарки только команды выполняют, как роботы. А алабай это собака думающая. Он может сделать так, как считает нужным, невзирая на команду.

– Выходит, алабаи для службы не годятся. Ладно, хватит болтать. Надо думать, что ему надо.

– Сейчас посмотришь, годятся они для службы или нет. Вон, этот гад приближается к дому. Дон уже занервничал.

– Вероник, ты бы ушла в комнату, а то вдруг пальнет? – озабочено глядя на приближающегося мужчину, сказал Митька.

– Нет. Я останусь. Дон, ко мне, мальчик. – Дон подошел к хозяйке. На загривке и возле хвоста шерсть у него вздыбилась. Он утробно рычал, и злобно скалил зубы.

– Ну и клыки у него! Просто саблезубый тигр какой-то! – улыбнулся Митька.

– Он это, – прошептала Вероника.

– Кто? – не понял Митя.

– Тот, что баллончиком Дона обезвредить хотел.

– А ты его видела?

– Нет. Дон видел. И узнал его.

– Значит, к нам пожаловал бандит. Готовься к бою, называется!

Мужик подошел почти на метр к крыльцу и крикнул:

– Эй, девица, разговор есть. Выйди, а? Только без собаки.

Дон зарычал как лев и кинулся грудью на дверь.

– Ага, может тебя в дом пригласить и стол накрыть? – крикнула Вероника.

– А че, я б не отказался, ты девка центровая! А там и сговорились бы!

– Я его сейчас убью, – взорвался Митька.

– А это что там за сявка? – крикнул мужик.

– Не твое дело! Говори, что надо и уходи. Иначе собаку спущу, – крикнула через дверь Вероника.

– Слышь, ты, не сильно гоношись-то, собачку твою я быстро успокою!

– Он ученый уже. Это он тебя успокоит. Говори, что надо и проваливай, в последний раз предупреждаю.

– Звать-то тебя как, девица? Как-то неудобняк без кликухи. Меня Ржавый.

– А меня Волчица. Слушаю! Мой пес уже теряет терпение!

– Волчица! – заржал Ржавый. – Ну, ты даешь!

– Не нравится, уматывай! – заорал Митька.

– Слышь, Волчица, отдай наше барахлишко, и будем квиты. Мы тебя трогать больше не будем.

– Что значит ваше? Ты ж один остался? Другана твоего труповозка увезла!

– Слышь, ты, шалава ментовская, отдай рыжье, иначе сделаем вам больно!

Митька побледнел. Он посмотрел на Веронику так, как будто в первый раз ее увидел. Вероника уловила этот его взгляд, но сделала вид, что ничего не заметила.

– Не знаю, о каком ружье ты мне толкуешь! Ружье вы что ль какое-то искали?

– Кончай базар, курва! Не отдашь рыжье, спалим твою заимку.

– Ага! Пугай! Пока вы его не нашли, палить ничего не будете! Зови своего пахана, я с шестерками не разговариваю!

– Не хочешь, видать, по понятиям жить! Что ж пожалеешь еще!

– Мне ваши воровские законы, не по понятиям! – заорала Вероника. – Пошел вон, без пахана базара не будет!

Митька молчал. Он обалдел от разговора Вероники с бандитом.

– Как скажешь, Волчица. Сама напросилась.

– Не пугай, пуганая уже! Все... Спускаю собаку...

Мужик на секунду замер, потом попытался вскинуть ружье, но Митька выстрелил из пистолета, и выстрел пришелся как раз возле его ног, бандит подпрыгнул и побежал, Вероника открыла дверь, спустила Дона и выкрикнула вслед собаке, – Дон, гони его, ату, ату...

Ржавый побежал еще быстрее, бросив на ходу ружье, но от Дона убежать было невозможно. Огромными скачками он догнал жертву и мощным прыжком свалил с ног. Лежа на земле и смотря на огромные клыки волкодава, Ржавый решил, что настал его последний час. Он зажмурился и почувствовал на лице горячую слюну и тяжелое дыхание пса. Но тут он услышал, прямо возле себя девичий голос:

– Дон, фу! Оставь его. Пусть убирается.

Дон послушно, отошел в сторону, задрал ногу и пометил место рядом с лежащим почти без сознания бандитом.

Ржавый тяжело поднялся, но успел взглянуть на хозяйку собаки. Девушка была очень хороша и очень молода. Почти ребенок. Она с вызовом смотрела на униженного ею бандита, и всем своим видом показывала ему, что он может уходить, но если придет еще раз...

Ржавый встал и дернулся к сапогу, пытаясь достать заточку. Но Дон следил за каждым его движением. Он с диким рыком вцепился в руку бандита, Ржавый взвыл, а Вероника увидела, как из запястья алой струей брызнула кровь, и слышался противный треск сломанной кости. Ржавый взгля-

нул на свою безвольно болтающуюся, истекающую кровью руку, и, теряя сознание, прошептал, – точняк, Волчица...

К Веронике подбежал Митька. Он с ужасом смотрел на лежавшего на траве бандита, на его изуродованную руку и на измазанную кровью пасть Дона.

Ржавый был без сознания.

– Неси из дома бинт и зеленку. Больше у меня ничего нет. А, анальгин там еще есть. Да, и пару дощечек прихвати.

– Ты что, собираешься его лечить? – изумился Митька.

– Нет, можно, конечно, оставить все так, как есть, у него начнется гангрена, и он умрет через неделю, другую. Можно сдать твоим коллегам, но тогда мы не узнаем, кто у них главный. Надо его подлечить и отправить восвояси. А там уже пусть твой дядька работает.

– Ты меня удивляешь! – уходя за аптечкой, прошептал себе под нос Митька. – Кто ты такая, какое рыжье? Рыжье?! Ведь рыжье, на воровском жаргоне означает... Золото! Они требуют у нее золото? Вот это поворот!

Пока Вероника обрабатывала Ржавому руку, он на секунду пришел в себя, но когда девушка стала вправлять кость, он закричал и снова впал в забытие. Вероника по-деловому наложила дощечки и крепко примотала их бинтом. Потом посмотрела на Митьку и сказала:

– Пока он в отключке, надо бы его подальше от заимки отнести.

– Буду я его еще таскать! Ружье у него забрать надо!

– А, в общем, ты прав. Пусть на глазах у нас очухивается. – Разжав ему зубы палкой, Вероника всыпала Ржавому в рот растолченные таблетки анальгина. – Скоро очнется, пошли в дом. Да, муки из подпола прихвати чуток, хоть лепешек испеку. Вероника зашла в сени, выдала Митьке кастрюльку, и, загнав Дона в дом, ждала возвращения Митьки. Митька вошел в сени с кастрюлькой полной муки, поставил ее на стол, отряхнулся и сел на лавку. Он был в шоке. Вероника выглянула на улицу – никого. И захлопнув дверь, задвинула щеколду.

Пока Вероника пекла лепешки, Митька сидел рядом и молчал. Он думал. У него ничего не укладывалось в голове. Потом все же посмотрел на Веронику и спросил:

– А про что он там говорил-то, про рыжье какое-то?

– А я почему знаю? Про ружье, мне показалось.

– Вероника, ты чего-то недоговариваешь, я это еще по рассказу дядьки понял.

– Вот у дядьки своего и спроси. А я ни про рыжье, ни про ружье ничего не знаю. Что-то, видно, задолжал отец, вот они и крутятся возле заимки. Хотя столько лет прошло. Отец мне перед смертью строго настрого велел уходить отсюда. Иди, говорил, к тетке или в дальнее зимовье.

– А откуда ты такие слова знаешь? Будто сама на зоне побывала? – спросил, еще не совсем поверивший девушке Митька.

– Да не знаю я ничего! Отец, сутки перед смертью лежал, бредил все... Вот и наслушалась всякого.

– А почему ты назвалась Волчицей?

– А кто я есть? Живу тут как одинокая волчица. Сама рыбачу, сама охочусь, все сама! – потом помолчала немного и, вздохнув, сказала, – меня так папа называл. В шутку, конечно.

Схватив из мисочки горячую лепешку, Митька обжег пальцы, и, перекидывая ее из руки в руку, дунул на нее.

– Вкусные! – откусив кусочек, сказал Митька.

К нему тут же подошел Дон, и положил голову ему на колени.

– Ой, гляди, признал тебя! Раз еду выпрашивает. И это несмотря на то, что ты его обидел!

– Чем это я его обидел?

– Ты сказал, что алабаи не могут быть служебными собаками. Убедился теперь, что такое Туркменский волкодав? И это все притом, что я его почти ничему не учила. У них это все в крови!

– Убедился! Как он его взял! – и дал Дону целую лепешку, предварительно остудив ее.

– Смотри, кажется, очухался! – сказала Вероника, смотря в щель ставни. – Встает. Качается...

– Еще бы!

Ржавый, встал, и, прижав к животу больную руку, побрел в сторону тайги, даже не оглянувшись на заимку.

Вероника проводила его взглядом. Над тайгой, лугом и речкой сгустился туман. Скоро рассвет. Девушка посмотрела на жадно уплетающего лепешки Митьку и сказала:

– Гляди, уже почти рассвело. Надо уходить отсюда.

Митька чуть не поперхнулся. Он положил недоеденную лепешку, и, посмотрев на девушку, спросил:

– Куда?

– В деревню опасно, в Райцентр тоже. Пойдем в дальнее зимовье. Там они нас не найдут. Если не хочешь идти со мной, иди к дядьке.

– А как же заимка, как золото?

– Что ты все заладил, золото, золото! Нет тут никакого золота.

– Мы уйдем, дом пустой будет. Пусть ищут тут, что хотят. Пока Ржавый до своего напарника доплетется, мы уже далеко будем. А коллеги твои пусть ими и занимаются. Ловят их тут, узнают, кто этот пахан их... Мне без разницы. Надоело в страхе жить.

– Слушай, а ты говорила, отца зимой убили. И почему тогда в дом к тебе стали лазать только в конце лета?

– А я откуда знаю? Все, беру самое необходимое. Лепешки тоже надо взять. Мить, там за печкой тележка стоит. И торба на Дона. Собираемся и уматываем.

Вероника быстро покидала в торбы все самое необходимое, документы, немного денег и кое-что из одежды. В тележку положила все имеющиеся в доме патроны, ружья, по-

дошла к фикусу в огромной кадке и задумалась... Как теперь золото из кадки забрать? Парень с нее глаз не спускает. Придется тащить и цветок...

Митька посмотрел на сборы девушки – ему стало интересно, почему она так странно смотрит на цветок? Он тоже подошел к фикусу и потрогал его глянцевые листья.

– Ты и пальму собираешься с собой брать?

– Это не пальма! Ботаник хренов! Фигус это! Лучше помоги мне его поднять и поставить в тележку.

– Ну, фикус! На фига ты его в тайгу, в такую даль тащишь?

– Память это! О матери моей! Она его в день моего рождения посадила!

– Ну, – почесав затылок, промычал Митька, – тогда да...

– Так ты со мной, – вешая на Дона торбу и привязывая ее к ошейнику, спросила Вероника, – или в другую сторону?

– Конечно с тобой, как я тебя одну отпущу! Только записку дядьке оставлю, что со мной все в порядке.

– А где ты ее оставишь? Прямо тут, на столе?

– Дубровского читала? Про дупло, помнишь?

– Помню! – улыбнулась девушка.

– Ну, вот там и оставлю!

Митька написал записку Виктору, описав все, что случилось на заимке. Умолчал только про золото. Ему надо было самому разобраться в этом. И еще он не знал, что заставляет его идти в какую-то избушку с девушкой, с которой познакомился всего несколько часов назад. Желание разобраться

в этой головоломке или из-за самой девушки? Он немного подумал, запечатавая записку, и решил, что, все-таки, из-за золота. Он любил приключения, обожал разгадывать всякие тайны, с детства взахлеб читал детективы, и, наверное, поэтому решил пойти учиться на милиционера.

Глава 7. ТРУДНЫЙ ПЕРЕХОД

– Ну, и в какую сторону мы с тобой двинем?

– Пока в сторону деревни.

– А почему к деревне? Может, они там?

– Думаю, они у кого-то на участке сидят, – и пояснила, – тут у каждого свой охотничий участок есть. Нашли избушку и затаились. После убийства дяди Петра.

– А как узнать в какой стороне эта избушка?

– Не знаю, но думаю, это недалеко. Им же надо за домом было наблюдать? Есть тут одна, неподалеку. Зброшена она. Все поумирали, а наследников нет. Вот там все охотники и ночуют, если находят. Проходная.

– А если туда кто-то нормальный придет? А они его...

– Не думаю, охотники народ осторожный, издадека заметят, что место занято и от греха, подходить не будут. Тем более охотятся все с собаками.

– Надеюсь, нам не в ту сторону? – спросил Митька.

– В ту, но мы пойдем через деревню, вернее, мимо деревни, и обойдем ее. А там, углубимся в тайгу и уйдем дальше.

– А если у них собака. Она по следу нас найдет.

– Может и есть собака, но мы там несколько раз через реку переходить будем и след запутаем. А если еще и дождичек хороший пройдет...

– Да, что-то промозгло становится, – поежился Митька.

– В августе у нас по ночам прохладно и туманы густые. От этого и влажно. Дождь бы нам точно не помешал.

– Только идти будет трудно, – вздохнул Митька.

– Пока, суть да дело, и этот идиот Ржавый дойдет до своей норы, мы уже далеко будем. Нам надо только деревню побыстрее обогнуть.

– А что мы в пути есть будем? – поинтересовался Митя.

– Пока есть вода и лепешки, а там сообразим. Грибов в тайге много, да и ягоды хорошая подмога. Рыбу поймаем, силки поставим.

– Так это мы сколько туда идти собираемся? – испугался Митька.

– Дней десять.

– Ничего себе! А подъехать туда никак?

– На чем? На Доне? Там дорог нет, там глушь такая, что никто нас не найдет. Отец специально такое место выбирал, чтобы ни одна душа туда не добралась.

– А ты дорогу знаешь?

– У меня карта и компас есть.

– К этому я готов не был! – обреченно проговорил Митька. – Мошка сожрет!

– Сейчас переоденешься в плотную куртку, а открытые места мы с тобой живицей кедровой намажем. Ни комары, ни мошка ее терпеть не могут!

– И что, кусать не будут?

– Не-а. Не ной, ты ведь хотел приключений? Вот, получи. На тарелочке с голубой каемочкой!

– Так мне же через две недели уезжать! – вдруг вспомнил Митька.

– Да. Об этом мы не подумали. Ну, тогда, иди в деревню, отдохни у дядьки под крылом, а потом дуй домой в Москву. А я пойду одна. Ты не переживай, мы с Доном не пропадем, доберемся. Перезимуем, а там, может, уже и поймают этих воругов.

– У меня в деревне бабушка живет. И дядька. Это его родной дом, – сказал парень и остановился. Он думал. Самое страшное, что он не приедет к началу учебы, а эти слова – перезимуем, ему совсем не понравились.

– Дорогу ты сам оттуда не найдешь. Компас не отдам. Решай, – твердо сказала Вероника.

– А как же я тебя оставляю? Нет. Решаюсь идти с тобой. Отчислят, дядька слово замолвит. Скажет, попал в переделку на задании. Я же вроде, практику у него отрабатываю. Все лето балдел, а тут такое дельце подвернулось, что не расхлебашь!

– Ну, тогда шевели батонами. Нам надо затаиться где-нибудь километров через пять от деревни. Знаю я там одно ме-

стечко.

– А этих там не будет?

– Положись на меня и на Дона. Все будет хорошо!

– Тяжелая эта твоя телега, да эта пальма проклятушая!

Может, посадим ее где-нибудь здесь, а на обратном пути заберем?

– Это не пальма! Сколько повторять? Фикус, запомни! Не выживет он. Это южное растение.

– Растение пожалела, а меня нет! – заныл Митька.

Обойдя деревню стороной, Вероника повела Митьку в небольшой пролесок возле реки. Затем они прошагали несколько метров вброд, и вышли на большой луг. Трава на лугу была высокая, чуть не с человеческий рост. Вероника заметила, что Митя уже с трудом тянет тележку и постоянно отмахивается от всяких летучих гадов. Она решила сделать привал.

– Привал! – скомандовала Вероника. Дон остановился, как вкопанный. Митька облегченно вздохнул и упал в траву.

– Тебя сейчас вообще всего искусают. Давай найдем в торбах для тебя куртку с капюшоном, переоденешься. Потом отдохнем чуть-чуть и в путь. За лугом тайга. Там и живицу найдем. Фонарь не забудь из кармана переложить. А то засунем в торбу и пойдем на ощупь. В тайге еще темно.

– Фонарем-то тоже не слишком-то светить можно, вдруг кто заметит.

– Соображаешь. Фонарь нам нужен, чтобы на компас

смотреть и живицу найти на кедре! – улыбнулась Вероника. – Но сейчас нам компас не нужен. Я полпути знаю. Ну, может, иногда проверим направление, не сбились ли...

– Слушай, а как в тайге можно направление не спутать? Ничего ведь не видно. Стоят себе стволы и больше ничего.

– Я с детства к этому приучена. С отцом ходила, да и тропы всякие есть. Их запоминаешь и никогда не перепутаешь. Это новичку все одно – стволы, стволы! Ладно, хватит болтать, пошли.

Митька неохотно встал и, взяв тележку за ручку, потащился вслед за Доном и Вероникой. Луг прошли быстро и вошли в высокий хвойный лес. Там было мрачно и еще совсем темно.

– Вот тут и живицы наберем, – сказала Вероника.

Митька достал фонарь и отдал девушке. Вероника посветила на несколько больших стволов и сразу нашла тот, что нужно. Она вытащила из кармана небольшую баночку и нож, и стала осторожно соскребать с дерева полужидкую, вязкую смолу.

– А откуда ты знаешь, что прямо тут, на самом краю живица есть?

– Так тут же деревня рядом. Сюда за ней ходят. Зачем портить целое дерево? Да вообще она везде есть.

– А-а, промычал парень. – Ну, давай помажусь, зажрали, сил нет уже!

Вероника и Митька намазали открытые места смолой и

продолжили путь.

– Кусают еще, гады! – стонал Митька.

– Подожди немного. Еще хорошо помогает живица пихты. Это просто бальзам на раны! Найдем, и ее наберем немного. А вообще ты скоро привыкнешь. Просто не будешь обращать на них внимания.

– К этому нельзя привыкнуть! – серьезным тоном сказал Митька и надолго замолчал. Когда солнце стало пробиваться сквозь высокие стволы хвойников, они расположились на отдых. Надо было немного поспать. И подкрепиться. Вероника достала из тележки маленький топорик и дала Митьке:

– Иди, наруби лапника. Вон стоит елка, а вон пихта. Вниз ель положим, а сверху пихтовые ветки, они не колются.

– Все-то ты знаешь! – пробурчал парень, но послушно взял топорик и пошел рубить лапник.

Вероника достала лепешки и флягу с водой. Положила все это на небольшую салфетку и стала ждать, когда ее помощник закончит с устройством лежанки.

Молодые люди подкрепились и рухнули на мягкие ветки. Дон примостился рядом.

Тайга шумела. Поднялся небольшой ветер, скрипели ветки и стволы деревьев, где-то вдалеке трещал тетерев, птицы щебетали, занимаясь своими повседневными делами, тайга жила, но Вероника и Митька ничего этого уже не слышали, они крепко спали, пожалуй, впервые за эти два беспокойных и страшных дня. Дон дремал рядом, но он всегда был

настороже. При каждом шорохе или непонятном ему звуке пес приоткрывал глаза, и внимательно смотрел по сторонам. Верный пес и отдыхая, выполнял свою работу, он охранял свою хозяйку, за которую, ни на секунду не задумываясь, отдал бы свою собачью жизнь...

Проспали они почти до полудня, но определить это им удалось только по часам на руке Митьки. Солнце куда-то скрылось и вообще больше не появлялось. Погода явно менялась, а им надо было пройти еще несколько километров до следующего привала. Теперь они решили спать ночью. Они будут уже далеко и совершенно не боялись, что их найдут бандиты. Скорее всего, те давно обследовали дом и поняли, что Вероники уже и след простыл. А где ее искать никто из них не знал. Даже милиция. Так как в своей записке Митя не мог указать места, куда они направляются...

Глава 8. РЖАВЫЙ

– Почему снова я? – чуть ли не плаксивым голосом спросил Ржавый.

– Неужели ты думаешь, что идти надо мне? – высокомерно глядя на беспокойно переминающегося с ноги на ногу Ржавого, все время прижимающего к себе больную руку, сказал высокий блондин, в дорогой импортной куртке и по виду совершенно не напоминающий блатного.

– Я до ужаса боюсь этой собаки.

– А меня? – прищурившись, спросил его блондин. – Ты же знаешь, за мной дело не станет, я не блатной, пальчиков у них моих нет. Я вообще, можно сказать, потерпевший! Сдам тебя ментам, и что тебе грозит?

– Да знаю, – огрызнулся Ржавый. – Он стоял на краю леса и смотрел на заимку.

– Пойдешь туда. Посмотришь, что да как. А потом и я подойду. Она же меня звала. Может, договоримся.

– И что с ней делать? И с тем хмырем, что там вякал? – потом вспомнил, как тот стреляет и замолчал.

– Ты говорил, клевая деваху?

– Красивая и молодая очень. Но бОрзя!

– А что с девками делают? Сам не знаешь? Попользуемся и в расход. Нам свидетели не нужны!

– Жалко девку. Ребенок почти. Да и не знает, поди, куда ее батя рыжье заныкал.

– И ты в это веришь? – рассмеялся блондин.

– Кто ее знает?

– Жалостливый какой! Все, кончай базар, иди. Я тебя тут жду.

Ржавый сплюнул и с видом осужденного на казнь побрел к заимке. Блондин закурил и, спрятавшись за толстый кедровый ствол, стал ждать.

Ржавый осторожно подошел к дому, ему почему-то сразу показалось, что в доме никого нет. Дернув дверь, он понял,

что не ошибся. С некоторой все же опаской, пройдя внутрь, он осмотрелся. Все указывало на то, что пока он плелся со сломанной рукой к их избушке, девчонка с хахалем сбежала. Кругом валялись какие-то вещи. Собирались, видно, быстро. Ржавый еще немного постоял в комнате, глянул за печь, потом вышел из дома, и заглянул в подпол... Все, слиняли! А где же рыжье? Взяли с собой, или его вообще тут никогда не было. Мало ли что базарили? Прошло столько лет, что от этого самого золота уже ничего не осталось.

Он вышел на поляну перед домом и махнул рукой своему подельнику. Тот увидел знак и стал приближаться к дому.

– Ну, что? Волчица убежала в лес?

– Почему в лес? – удивился Ржавый.

– Да это я так, рассуждаю. Куда еще волчице бежать? Ее зовут Вероникой, а не волчицей.

– Дом осмотрел, свалили они!

– Ну, давай еще глянем, как жила наша Волчица. Посмотри все ли осталось на своих местах?

– Да вроде все! Этих, кустиков, как там – гераней нет, так мы их в прошлый раз еще все поперебили. Когда в окно влезали. А когда этот зверюга Штыря замочил, я тово, через окно же ноги и сделал.

– Значит, все на местах. Печь целая, половицы не подняты...

– Во! – закричал Ржавый, от страха кумпол снесло! Дерево тут какое-то стояло! Большое такое, блестящее. В кадке. Я

его тоже тогда перевернул, в земле покопался, но там ничего не нашел.

– Дерево, говоришь, в кадке... – Блондин задумался. – А теперь оно где?

– Ну, так нету! Было, и нет.

– Быстро осмотри двор. Если где валяется, принеси. А нет, тогда я тебя убивать, гниду, буду...

Ржавый вылетел во двор, споткнулся на лестнице, и чуть не упал. Прикрывая больную руку, изрыгая проклятия и матерясь, он обежал весь двор, добежал до реки, обследовал всю поляну и, конечно, ничего не нашел...

Вернувшись в дом, он столкнулся с жестким взглядом Блондина.

– Ну, и где оно? Нашел?

– Нет.

– А кадучку или горшок, в котором он рос?

– Тоже нет.

– Ну, что ж, гнида, убить тебя что ли? Или ментам сдать? Что там тебе за два убийства светит? Вышка?

– Нет, Блондин, только не ментам, я все сделаю, землю носом рыть буду, но Волчицу найду!

– Ее зовут Вероника! – сказал Блондин, вышел из дома и закурил.

Ржавый постоял в нерешительности, потом все же вышел вслед за Блондином.

– Лезь в подпол!

– На кой? – спросил Ржавый.

– Канистру с бензином ищи. Хозяин тут, похоже, запасливый был. Пустим петуха и линияем.

– А вдруг рыжые еще где-то в доме?

– Ты идиот? Нет его уже здесь. Ушло рыжье вместе с деревом! В кадке!

Ржавый полез в подпол, и стал шарить в темноте. Орудовать одной рукой было неудобно, а другая рука нещадно болела. Его разбирала злоба – кто он такой, этот Блондин, что так командует им? Замочить гниду, и в бега. Терять ему было уже нечего. Да и братва, узнав, что он сделал с участковым, ему не простит. Надо валить. Ржавый, наконец, нащупал канистру, тряхнул ее – есть. Где-то с четверть канистры. Пробрался к выходу, постоял немного...

– Ну, где ты там застрял?

– Да иду уже, иду.

Ржавый вылез, Блондин вырвал у него канистру и начал обливать дом бензином. Потом откинул пустую канистру в сторону, чиркнул зажигалкой и отошел.

Огонь весело побежал по периметру дома, поднимаясь все выше и выше, пока языки пламени полностью не поглотили его.

– Что ты на меня так смотришь? – спросил Блондин, уловив полный ненависти взгляд Ржавого. – Даже не думай! Ты на кого батон крошишь?

– Да я что, я ничего, – опустив глаза, промямлил Ржавый.

Ничего, я с тобой еще поквитаюсь, случай подвернется, за все ответишь, подумал Ржавый.

– Все, валим отсюда! – крикнул Блондин.

Треск и гул пожара был слышен даже на краю тайги. Ржавый обернулся, посмотрел на горящий дом и вздрогнул. Ему почему-то стало жаль и убитого им лесника, и его молоденькую дочь. Ржавый не был особенно сентиментальным – он никогда не прощал причиненного ему зла, но и о добре не забывал. Он был уверен в том, что если бы девушка не оказала ему помощь, и он бы вернулся в избушку со сломанной, почти болтающейся рукой, Блондин с ним не стал бы церемониться – пустил бы в расход. И еще он знал, что если Блондин найдет Волчицу, он поступит с ней так, как говорил. Или и того хуже...

Плетясь за Блондином по тайге, он подумал, хоть бы девчонка слиняла подальше и заныкалась получше, чтобы ее никто никогда не нашел...

В деревне заметили пожар. И сразу смекнули, что горит не тайга, а старое лесничество. Срочно вызвали пожарных и милицию. Давно по деревне бродили слухи, что объявились какие-то беглые, которые часто навевались к Веронике на заимку. Кто-то болтанул, и пошло-поехало. Девка она одинокая, ладная. Все боялись, как бы чего с ней не случилось, но навестить сироту, или чем-то ей помочь не решались. Все придерживались мнения – сиди тихо, не получишь лиха!

Милиция приехала первой. Пожарка почти следом за ней. Ведь если пожар перекинется на тайгу, беда коснется всех. Участковый подошел к уже рухнувшему, догорающему дому и долго, почти заворожено смотрел на пламя. Этого он не ожидал никак. Где же Митька? Что с Вероникой? И естественно мысли работали только в одну сторону – хоть бы Митька был жив, а что там с девицей, у которой, по его мнению, рыльце было в пушку, которая что-то явно знала, но не хотела сказать, ему было все равно. Ну, жаль, конечно, девушку, но Митька-то племянник, родная кровь...

– Ну, что там, как думаешь? – подходя к одному из пожарных, спросил Виктор.

– А откуда я знаю? Теперь только криминалисты определят, есть там тела или нет. Че ж мне в огонь лезть или головешки разбрасывать? Залили, и то хорошо. И что на тайгу не перекинулось тоже удача – вишь, ветер какой разыгрался?

– Вижу, – вздохнул Виктор и вдруг вспомнил, о чем договаривался с племянником. Он велел криминалистам, как следует обследовать местность, даже учитывая, что пожарные затоптали почти все следы. Но канистру все же нашли, изрядно обгоревшую, но с одной стороны краска только немного потрескалась. Значит, можно и пальчики найти.

Виктор отошел к пролеску, затем тихонько, подошел к реке, оглянулся, не видит ли кто, и нагнулся к большому, лежащему наполовину в воде дереву. Там было маленькое дупло. Он просунул туда руку и... поблагодарил Господа, к которо-

му, как ярый коммунист, обращался исключительно редко. Вытащив маленький, свернутый в трубочку листочек бумаги, он снова огляделся и положил письмо в карман.

Когда он вернулся, пожарка уже уехала. Возле дымящихся головешек толпились его коллеги.

– Вить, – сказал один из криминалистов. – Пальчики второго в картотеке нашел. Освободился в прошлом году. Не беглый. Кличка Ржавый. А в подполе, чьих пальцев только нет... Ну, хозяев дома естественно полно, но есть еще одни – нашего участкового. Хороший был мужик. Но... Дружба-то у них с лесником давняя была. Когда Вероникин папаша сидел, наш Пётр там вертухаем был. Так что, дружбаны они еще с тех времен. А кое-кто удивлялся...

– А кто убил, так и неизвестно? Больно похоже убивали друганов! – задумчиво сказал новый участковый.

– Пока еще не точно, но подозреваю Ржавого и Штыря. Но есть кто-то еще. Эти два на мокруху бы не пошли. Кто-то надоумил или заставил.

– Ладно, поехали. Тут уже нам делать нечего. А вот того авторитета, который всеми этими делами заправляет, нам надо бы побыстрее вычислить.

– Опять глухарь! Только вот за убийство участкового с нас отдельно спросят, а это дело одной веревочкой со всем этим связано.

Виктор сел в машину и пока был один быстро достал записку и прочитал:

«... Дядя Витя, нас вынудили уйти. Ушли в тайгу, дороги не знаю, когда вернусь тоже, но с нами все хорошо... Дорога дальняя, идем в какую-то избушку, так что связь теряется. Если не вернусь до весны, не волнуйся. И не ищите нас, Вероника говорит, что места там непроходимые и нас там никто не найдет. Ни бандиты, ни милиция...»

Виктор скомкал письмо, и сплюнул в форточку машины:
– Вот дурачок! Куда понесло? Что я теперь его родителям скажу? Ушел в тайгу на зимовку? Да и я тоже хорош! Молодого парня прямо в пекло засунул...

Глава 9. НОЧЛЕГ С УДОБСТВАМИ

Вероника и Митька прошли без отдыха почти целый день. Дон, обвешанный торбами, шел впереди и выискивал тропки, чтобы было легче пройти. Тропок, собственно, никаких и не было. Просто он обходил места с завалами старых, уже отживших деревьев. Молодые люди были ему за это очень благодарны, силы их были уже на исходе. На всем своем пути они не встретили ни одного человека – ни грибника, ни ягодника, так как эти места были уже далеко от деревень и поселков. Они шли к небольшому таежному озеру, где хотели устроиться на ночлег, помыться и пополнить запас воды. Дальше путь им предстоял еще более трудный, так как в тех местах было много болот, а еще дальше их ждали небольшие предгорья и овраги, которые им надо было преодолеть. Шли

они уже три дня, Вероника иногда смотрела карту и сверяла путь компасом.

– Я устал тащить эту проклятую тележку, может, все-таки оставим твой фикус где-нибудь на солнечной полянке! – воскликнул Митька и сел.

Вероника тоже присела на ствол старого дерева, вытерла пот со лба и с иронией сказала:

– Тогда выкидывай ружья и патроны, а мамкин фикус я выбрасывать не позволю.

– И что ты так к нему привязалась? Мало ли фикусов, которые сажали наши матери и отцы.

– У тебя мать жива? – тихо спросила Вероника.

– Жива, конечно. И отец.

– А я сирота! – в глазах у девушки показались слезы, она отвернулась от Митьки и прошептала, – а это, все, что осталось от моих родителей. И если ты устал его тащить, значит, его потащу я!

– Да ладно, не плачь, Вероник, дотащу я его. Раз он тебе так дорог.

– Он дорог мне как сама жизнь! Да и тебе теперь тоже...

– Не понял? – озадаченно взглянув на девушку, спросил парень. – А я-то тут причем?

– Ты пошел со мной. А, значит, связал свою судьбу с моей, вот и все объяснение.

– Это ты на что сейчас намекаешь? – испугался Митька. – Я теперь, что жениться на тебе должен?

– Ну, и дурак же ты, как я посмотрю! – грустно улыбнулась Вероника.

– Что это сразу дурак? – обиделся парень. – Просто ты такие странные вещи говоришь!

– И ничего странного. Бандиты видели нас обоих. И ищут теперь нас двоих, а не только меня!

– А-а. Ты об этом! – успокоившись, вздохнул Митька. – А зачем им вообще нас искать? Неужели они все еще надеются найти какое-то там золото? Если оно осталось в доме – все просто! Разобрали избу на дощечки и нашли. Мы им совершенно не нужны!

– Мы видели их. И знаем, что это они убили моего отца и участкового. Дядю Петра.

– Откуда у тебя такие выводы?

– Не знаю. Но, думаю, они так считают.

– Хорошо, а если не считают так, найдут свое «рыжье» и смотаются. Или мой дядька их поймает. И им будет уже не до нас.

– Не найдут.

– Почему? Оно же, как они считают, спрятано где-то в доме, на заимке.

– Они ошибаются. Ладно, хватит рассиживаться, пора двигать дальше. А то мы не доберемся к ночи до озера. И придется ночевать здесь, в этом неудобном высоком лесу. Сейчас пройдем еще немного по прямой, а потом будем сдвигаться на Юго-запад. Через три часа должны прийти к

месту нашей ночевки.

– А что мы будем сегодня есть? Надоели грибы, лепешки-то ты все Дону скормливаешь.

– Там ягод много. У болотца. Клюква, да и черника еще попадается. Знаешь, а иногда на пригорках или в высокой траве можно и землянику найти! – сказала парню Вероника и как-то совсем по-детски улыбнулась.

– А что-нибудь посерьезней? – спросил Митя и, конечно же, заметил эту ее улыбку. Он почему-то ни разу не смотрел на нее, как на девушку. Странно. А она ведь очень красивая... И нежная, как цветок!

– Ну, я думала, что в нашей команде мужчина ты. Подстрелишь что-нибудь на ужин. Уже можно и костер разжигать, и шуметь. Нас здесь никто не услышит.

Эта ее фраза сразу же остудила Митьку. Момент очарования прошел, будто его и не было. Сейчас она ему показалась слишком уж взрослой и деловой. Вроде сержанта для новобранцев.

Молодые люди поднялись, Дон, лежавший возле ноги Вероники, тоже поднялся, и побрел впереди. Они устали, хотели есть, и как следует отдохнуть. Вероника знала, что их сегодня ждет ночевка с удобствами, а не под открытым небом, как две предыдущие ночи.

Весь оставшийся путь, Митька думал над словами Вероники. Он вспоминал все сказанные ею странные вещи, особенно про золото. Они ошибаются, что золото в доме! Это

была ее последняя фраза. Значит, она знала про золото с самого начала? Ну, во всяком случае, после того, как к ней залезли бандиты. Получается, она знает, где оно? Но молчит и не говорит даже ему. Он немного еще подумал, и решил, что сам бы тоже не сказал о золоте какому-то постороннему человеку, которого знает меньше недели. Тем более, что этот человек был подослан к ней участковым милиционером, да еще является ему племянником... Это все может показаться ей более чем странным. И Вероника вполне может решить, что он был приставлен к ней не для охраны, а для выуживания нужной информации. Короче, она уверена, что он шпион!

Эти три часа дались им тяжело. Они уже с трудом переставляли ноги. Дон тяжело дышал, но все же шел впереди всех, и все время принюхивался, как будто чувствовал запах жилья и вкусной еды.

– Ну, когда же мы дойдем? – стонал измученный Митька. – Эта пальма оттянула мне все руки, а ноги уже совсем не идут.

– Скоро уже. Я тоже уже еле плетусь. Вон – посмотри на Дона, он уже чувствует место ночлега.

– С чего это ты взяла? – вымученно улыбнувшись, спросил Митька.

– Он чувствует цель нашего пути.

– То, к которому мы шли? Избушку?

– Нет. Мы с отцом здесь в позапрошлом году останавливались. Там выстроен крепкий шалаш.

– Шалаш? А я-то думал...

– Для нас и шалаш сейчас что-то вроде дома. Тем более, там есть все необходимое.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Митька.

– Придешь, сам увидишь. Вон, уже вижу, подходим.

Дон завилял хвостом и куда-то понесся.

А Митька, как ни всматривался в то место, возле которого весело крутился пес, так ничего и не увидел. Елки, кусты, куча поваленных деревьев и все! Чуть подальше он увидел небольшое озерцо. Оно сверкало в лучах вечернего солнца и манило к себе. Хотелось скинуть с себя эту провонявшую потом и дымом одежду, и окунуться в прозрачные и очищающие воды озера. Дон уже стоял на краю и лакал воду. Потом поднял голову, посмотрел на хозяйку и радостно гавкнул.

– Все! Пришли! – сказала Вероника и скинула с плеч тяжелый рюкзак.

Митька стоял как замороженный. Вокруг было потрясающе красиво, он не замечал красоты местности, по которой они шли, а теперь вдруг обратил на это внимание! Скорее всего, это от предвкушения отдыха и еды. Он поставил тележку и подошел к Дону. Дон прижал к нему голову и доверчиво посмотрел ему в глаза.

– А он тебя полюбил. И уже доверяет тебе! – посмотрев на нежности Дона, с некоторой ревностью в голосе проговорила

Вероника.

– А ты? – повернувшись к девушке, спросил Митька.

– А я... Я... еще не знаю! – растерялась Вероника. Ну, в смысле второго, конечно!

Митька весело расхохотался и ласково погладил собаку. Потом он нагнулся к воде и умылся чистой прохладной водой.

– Иди сюда, недоверчивая наша, умойся!

– Мне тут помощь нужна, иди сюда, а потом и умоемся, и даже искупаемся.

Парень подошел к Веронике и увидел какой-то завал, вместо шалаша.

– Это ты называешь шалашом со всеми удобствами? – с сарказмом спросил он.

– Придется немного постараться, чтобы навести тут порядок! В таком же тоне ответила девушка. – Это мы с батей специально так сделали, чтобы не привлекать внимания.

– Ты ж говоришь, что здесь никто не ходит никогда!

– Ну, мало ли! Вдруг браконьеры забредут. Хотя, сейчас народ пошел мелкий и жадный. Далеко не ходят, настреляют дичи вблизи с жильем, и в деревню, хвастаться и водку пить! Жадность к убийству это страшно! Я понимаю охоту только так – хочешь есть, добудь себе еду. Как в природе. А убивать живность ради забавы и бахвальства это страшный грех. Они хуже зверей! А вообще-то они не тут охотятся, чуть в сторону лучше, там и проходить легче, и подъехать на машинах

можно.

– А это далеко отсюда?

– Километров 70-100, – и показала туда рукой.

– Тогда зачем же вы это делали с отцом? – разбирая зава-
лы из старых бревен и сухих веток, спросил Митька.

– На всякий случай. Ушли еще недалеко. Береженого Бог
бережет!

– Ой, змея! – закричал Митька и отскочил в сторону.

– И что ты так орешь? – засмеялась Вероника. – Она сей-
час уползет. А вообще есть такое заклинание – если видишь
змею, надо протянуть руку, вот так – она вытянула руку и
выставила вперед ладонь, и сказать – Ози, озоа, озиа! И она
тут же уползет.

– И что, помогает? – с интересом спросил парень.

– А как же! Видишь, ее уже нет!

– А если не увидишь?

– Может и цапнуть!

– А вдруг там еще их полно? – испуганно глядя на шалаш,
спросил Митька.

– Сейчас все расползутся, даже если и есть. Дон, проверь!

– И ты вот так просто заставляешь любимую собаку лезть
в гадюшник?

– Это же Туркменский волкодав, выросший на воле! Он
уже их столько убил... и съел. Думаешь, что он таким бод-
рячком идет? На одних лепешках что ли?

– Ты шутишь! – с ужасом воскликнул Митька.

– Конечно, шучу, про то, что он их ел по дороге. А вообще он свободно берет змею и резким движением ломает ей хребет. Вот и все! Порода такая!

В это время Дон вышел из почти освобожденного шалаша с огромной черной гадюкой в пасти. Змея была мертва.

– Ты как хочешь, а я там ночевать не буду! – занял Митька.

– Ну, тогда спи на улице, а мы с моим мальчиком сейчас свежую подстилку положим, и ляжем в тепле. Правда, мой мальчик?

Дон бросил змею, подошел к Веронике и прижался к ней широкой спиной.

– Молодец, Дон! Благодарю за службу! – голосом командира проговорила Вероника. – И несколько раз погладила пса по пушистой белой шерсти. – Надеюсь, там больше нет никакой живности?

Дон поднял голову и громко гавкнул. И Митьке показалось, что пес сказал ей: – «Служу Советскому Союзу!»

Глава 10. **НОЧЬ**

Расчистив площадку перед шалашом, молодые люди натаскали дров и разожгли костер. Погода стояла ясная, хоть и немного ветреная, но это показалось Веронике даже на руку. Можно постирать одежду и за ночь высушить. После того, как они нарубили лапника и сделали в шалаше мягкий

и толстый настил, Вероника решила искупаться, да и Митька уже давно мечтал об этом. Почувствовать себя чистым и свежим, после трехдневного таскания по тайге, казалось ему просто блаженством. Найдя в торбах одежду для себя и для Мити, Вероника предложила ему искупаться первым. Митька согласился, но немного побаивался – все-таки не знал какое там дно, да и вид увиденных им ползающих гадов его очень напрягал. Тогда Вероника предложила идти купаться вместе. Парень даже покраснел.

– Что это ты, как красна девица зарделся? По-моему стесняться надо было бы мне?

– Ну, вот, собственно, поэтому... – проямлил он.

– Я не собираюсь купаться нагишом. Не надейся!

– А как же?

– Ты можешь купаться, как хочешь. Меня этим не смутить. Тем более смотреть я на тебя не собираюсь. Иди вон туда – и показала невысокий ряд кустов вдоль берега. Там хороший заход. А я во-он там искупаюсь. И перекинув через плечо легкое полотенце, пошла к воде.

– Вот дает, девица! – пробурчал себе под нос Митька. – Не смутить ее, видишь ли, моим голым видом... Сама-то от горшка два вершка, а все туда же!

Митя плескался в озере, плавал, нырял, и никак не мог вылезти из воды. Уже начало смеркаться, надо было скорее одеваться, иначе, как только выйдешь сразу налетят полчища гнуса. Он тайком обернулся и взглянул на то место, где

только что купалась Вероника. Девушки он не увидел. Было очень тихо, и он испугался.

– Вероника! Ты где? Дон, ко мне!

– Что разорался-то? – выходя из-за кустов, уже одетая в плотные полотняные штаны и такую же куртку, спокойно спросила девушка. Дон со мной, а ты давай, выползай быстрее. Скоро совсем стемнеет, а нам еще кашу сварить надо.

– Ага, – покраснев, сказал Митя, выхожу уже.

Одевая на себя почти такие же штаны и куртку, он подумал, какая каша? Из топора что ли?

Подойдя к шалашу, он с удивлением увидел, что их одежда уже постирана и сохнет на сучьях деревьев. Когда она успела? – подумал он. И вдруг почувствовал восхитительный запах гречки с тушёнкой! Я сплю – решил он, откуда она взяла гречку и тушёнку? Это, наверное, галлюцинации оголодавшего туриста!

Но Вероника деловито помешивала густое варево и, достав из кармана какую-то маленькую баночку, открыла крышку и посолила похлебку.

– Откуда такое богатство? Ты взяла с собой скатерть самобранку и не сообщила мне? Сколько у тебя еще секретов и тайн?

– Все просто! Мы с отцом оставили тут небольшой запас продуктов. Несколько банок тушёнки и крупу.

– И где же тут холодильник? Что-то не вижу! – шутливо

воскликнул Митька.

– Вот. – Вероника взяла топорик и, подцепив кусок дерева, открыла крышку тайника. Достаточно глубоко в земле была зарыта большая железная банка. Она открыла крышку и Митька обалдел. Там было несколько пачек гречки и три банки тушёнки. Соль, чай, сахар, и кусок хозяйственного мыла.

– Отпад! Мы спасены! Теперь дойдем до избушки, не голодая.

– Половину возьмем, остальное оставим на обратную дорогу.

– А, может, возьмем все? – с мольбой в голосе проговорил Митька.

– Посмотрим. Кто знает, как возвращаться будем. А сейчас садись, вот тебе ложка, – Вероника выдала Митьке деревянную ложку и кружку. После каши заварим травяной чай.

– Кайф! – воскликнул Митька и накинулся на еду. Наворачивая кашу вместе с Вероникой прямо из котелка.

Только Дон ел из отдельной миски, которую Вероника прихватила из дома. Он получил свою порцию и съел ее буквально за секунду. Потом он долго лежал в обнимку с пустой миской и осматривал окрестности, охраняя не только хозяйку, но и котелок с вкусной кашей.

После ужина, уже в крошечной тьме, молодые люди пили чай, и почти что клевали носами. Дон бродил вокруг их стоянки, обнюхивал землю, втягивал носом ветер, он будто

совсем не устал и никак не мог утомониться.

– Вкусный чай получился! – допивая, сказал Митя.

– Я набрала разных листиков и добавила в котелок немного ягод, которые нашла вокруг.

– Слушай, когда ты все успела? – зевая, спросил парень.

– Привычка! – устало ответила девушка. Не потопашь – не полопашь! Пошли спать?

– Пошли. Только дров надо подбросить, ты иди, располагайся, а мы с Доном еще подбросим дровишек в костер и тоже заползем к тебе под бок.

Усталая девушка кивнула головой, заползла в шалаш и через секунду уже спала.

Ночью Дон насторожился. Он тихо выполз из шалаша, и принялся. Возле их ночлега бродил зверь. Он еще не понял, что это за зверь, и представляет ли он какую-нибудь угрозу для его хозяйки. Парня он хозяином не считал, но уже привык доверять ему. Пес спал между молодыми людьми, но старался больше прижиматься теплым боком к любимой хозяйке. Сейчас он не знал, стоит ли будить ее, зверь бродил вокруг их стоянки почти бесшумно, но Дон чувствовал его.

В конце концов, пес решил оставаться рядом с Вероникой, и просто наблюдать, и вслушиваться. Перед шалашом ярко пылал костер, и дикий зверь не подойдет близко. Ему показалось, что это существо не причинит им вреда, он спокойно положил голову на лапы и стал ждать.

Проснулся Митя, он протер глаза и увидел Дона, который почти выполз из шалаша и тревожно принюхивался.

— Ты что, Дон? — шепотом спросил он у пса, и погладил ему спину. Шерсть на спине собаки была вздыблена, и Митька понял, что возле их стоянки кто-то бродит. Он не знал, будить Веронику или нет. Она так сладко спала, что ему не хотелось ее беспокоить. Сам он захотел в туалет. И выйти ему все равно бы пришлось. Слишком уж навалился он вечером на чай. Митька еще немного потерпел, но вскоре ему стало совсем невмоготу... Но как только он попытался выползти на улицу, Дон схватил его зубами за штанину и не позволил ему двинуться ни на сантиметр. Он держал его очень крепко, и при этом смотрел на него своими умными глазами.

— Дон, мне надо выти, понимаешь? — зашептал ему на ухо Митька. — Ты же мужчина, должен понять, мне срочно надо отползти до кустов.

Дон немного подумал, и вылез вместе с ним. Стоя возле Митьки, он продолжал держать его зубами за штанину, не позволяя отойти от шалаша даже на полметра.

Митька осмотрелся, но в крошечной тьме ничего не увидел. Где-то вдалеке закричала какая-то птица, Митька вздрогнул от неожиданности и решил, от греха подальше, побыстрее закончить со своим мокрым делом и залезть обратно в шалаш. Дон всматривался в темноту и тихо порывкивал, чем окончательно напугал парня.

— Дон, пошли спать! — прошептал парень. И пес, еще раз

посмотрев по сторонам, залез вместе с Митькой в шалаш.

И что он там мог видеть в таких потемках? – подумал Митька, вылез на мгновение из-под крыши их временного жилища, подкинул в огонь два толстых полешка, а потом завалился на лапник и мгновенно заснул.

Дон же не спал всю оставшуюся ночь. Он чувствовал кого-то, и, зная, что это существо не причинит вреда его хозяевам, все же решил охранять их до самого рассвета. А там он разберется, кто к ним пожаловал, и что ему нужно. Он знал точно только одно – это был не волк и не человек...

Митька проснулся раньше Вероники. Дона в шалаше уже не было, вокруг было тихо, если не считать гомона птиц и таких уже привычных звуков оживающего леса. Он выглянул из шалаша, но не увидел собаки.

И где его носит? – подумал Митька. И еще он решал, говорить ли Веронике, что ночью вокруг их шалаша кто-то бродил? Может, не стоит пугать её, ведь все, вроде бы, обошлось?

Он приподнялся на локте и стал смотреть на спящую девушку. Она была восхитительна. Тихая, теплая и беззащитная. И такая красивая! Почему он не замечает этого тогда, когда она бодрствует?

Вероника потянулась и открыла глаза.

– С добрым утром, фея! – сказал он и улыбнулся.

– От чего же я теперь стала феей? – улыбнулась ему в от-

вет Вероника.

– Когда ты спишь, а не командуешь, ты очень похожа на прекрасную фею! – сказал Митька и пригладил рукой волосы.

– Прихорашиваешься? – с ехидцей спросила Вероника.

– Да нет. Я и так красив.

– Ну, в этом я не сомневалась! – засмеялась Вероника и стала вылезать из шалаша.

Митька, наблюдая за девушкой, и любуясь, как грациозно она выползает из их ночного укрытия, вдруг заметил, что она замерла и больше не двигалась с места, оставив внутри только свою соблазнительную попку. Но ведь это не могло быть заигрыванием с ним? Что же тогда?

Он последовал за ней и увидел, наконец, того, кто не давал им спокойно спать! Ну... Не ему, так Дону.

С небольшого пригорка на них внимательно смотрела большая черная овчарка.

Дон бродил рядом и не обращал на нее никакого внимания...

– Боже! – воскликнула Вероника, я, кажется, знаю эту псину! Это же собака дяди Петра!

Глава 11. **МАРТА**

– А ты уверена, что этот не волк? – рассматривая собаку, спросил Митька.

– Какой волк? – засмеялась Вероника, – он бы уже лежал мертвый, рядом с шалашом. А потом, я в состоянии отличить собаку от волка!

– А... Забыл, наш Дон ведь волкодав! – с иронией сказал Митька.

– И нечего иронизировать! Я думаю, если бы он увидел, как Марта режет нашу последнюю овцу, он бы ей задал. Но не думаю, что убил бы.

– Ты так считаешь?

– Просто уверена! Это произошло через несколько дней после убийства участкового. Собака бегала голодная. И никому ненужная.

– Но она могла у кого-нибудь из местных попросить есть.

– В деревнях редко кормят приبلудившихся собак.

– Но все же должны были знать, чья это собака!

– Тем более! Её хозяина не очень любили в деревне. А в райцентре не знаю.

– А ты уверена, что это точно собака убитого участкового?

– Сейчас попробую ее окликнуть. Марта! На!

Собака свернула голову набок, потом быстро вскочила и подбежала к Веронике.

Вероника взяла миску Дона, и положила ей немного каши. Она моментально съела ее, вылизала миску и вопросительно посмотрела в глаза девушке.

– Мало ты ей дала! – пожалел собаку Митька.

– Кто знает, сколько она уже голодала. Сразу много нель-

зя, да и каша почти кончилась.

Дону не понравилось, что Марту кормят из его миски, он утробно зарычал и отвернулся. Он еще долго потом ворчал, но когда Вероника, вымыв миску в озере, дала каши и ему, он успокоился, и, обняв ее лапами, не спеша принялся за еду.

Марта смотрела на него, а с кончика ее языка стекала тонкая струйка слюны.

– И не стыдно тебе, Дон! – подойдя к нему, пожурела пса Вероника.

– Неужели ты думаешь, что он ее дразнит? – догадался Митька.

– Абсолютно уверена. Ты видел, как он обычно ест. Секунда и еды нет!

Митька завалился на траву и расхохотался.

– С вами не соскучишься! Такого тут насмотришься, можно в старости мемуары писать, как я прятался в глухой тайге от бандитов, наблюдал за природой и за отношениями между собаками.

– Конечно! За кем же еще? Между нами с тобой никаких отношений, если только за дикими зверями наблюдать, – съязвила Вероника. – Только я этого тебе делать не советую!

– Я не понял? Это намек? – подойдя к девушке, спросил Митька.

– На что? – сделав вид, что не понимает его.

– На то, что у нас никаких отношений нет. Ты хочешь, чтобы у нас были отношения?

– Ну, хотя бы дружеские...

– А мы не друзья?

– Нет. Ты мой охранник, – и нахмурилась, – или надсмотрщик. Плетешься за мной вглубь тайги, чтобы узнать, где я прячу кучу золота! Или как там его называют блатные – рыжья.

– Ну, ты даешь! – обиделся Митька и, отвернувшись от нее, стал собираться.

– И нечего обижаться. Пока что я не видела от тебя никакой пользы. Значит, ты просто за мной наблюдаешь.

– Так. Все! Дон твоя собака, – хватаясь за тележку, сказал Митька, а Марта моя. Марта, ко мне!

Марта подошла к Митьке и села рядом с ним.

– Во-от! Что значит немецкая овчарка. Беспрекословное подчинение хозяину!

– Тоже мне хозяин! Марта, ко мне! – позвала собаку Вероника. Но собака не сдвинулась с места.

Вероника даже обалдела. Ничего себе! Я ее кормила, а хозяином эта неблагодарная псина выбрала Митьку!

– Вот. Видела? Теперь у меня своя собака! А у тебя своя!

– Ну, и замечательно!

– Вот и отлично!

Молодые люди закидали ветками место своего ночлега, затушили костер, навалили сверху лапника и старых стволов, замаскировав таким образом и шалаш, и кострище, и тайник. Вероника повесила на Дона торбу, взяла свой рюкзак и

сказала:

– Пошли. Сегодня путь будет еще труднее. Крепись, студент!

Это была их первая размолвка...

Молодые люди шли еще четыре дня. Все последующие ночи они ночевали под открытым небом, разжигая костер, быстро готовя себе ужин, и, падая без сил, засыпали. Они теперь находились под неусыпной охраной двух собак, Марта спала рядом с Митькой, а Дон демонстративно ложился с другой стороны, рядом с хозяйкой. Таким образом, получалось, что Вероника и Митька спали рядом, и иногда в уже довольно прохладные августовские ночи слишком сильно прижимались друг к другу. Ни девушка, ни парень не могли с точностью сказать, что им это нравилось. Но они воспринимали это как должное, как вынужденную необходимость. И ни тот, ни другой уже не могли утверждать, что их это совсем не волновало...

Марта оказалась очень толковой собакой, и привыкшей за довольно непродолжительное время скитаний, самостоятельно добывать себе пищу. Она часто притаскивала на стоянку убитого ею зайца, или зазевавшегося на току глухаря, и все время отдавала добычу Митьке. Митька недоуменно смотрел на убитую живность и совершенно не знал, что с ней делать. Часто это происходило на привалах, и Вероника

с ехидным смешком забирала у Митьки дичь, свеживала ее, или общипывала птицу. Это было неплохой подмогой, так как кроме двух килограммов гречки и банки тушенки у них ничего не осталось. Марта была совсем не против, что де-вушка забирала у хозяина добытую ею дичь. Главное для собаки было то, что она приносила ее своему новому хозяину, а потом из рук Вероники получала миску вкусной каши.

Митька уже не мог равнодушно относиться к Марте, он часто гладил ее и хвалил, чем приводил ее в томное состояние. Она начинала ластиться к нему, как кошка, ложилась на спину, требуя, чтобы ей погладили живот, а потом начинала носиться вокруг стоянки и восторженно лаять.

– Неужели ты думаешь, что Марта могла убить твою овцу? – как-то раз спросил Митька у Вероники.

– Не знаю. Следы были, но, может, это были следы волка. А, может, просто подбежала к овце, ведь они с дядей Петром жили в деревне, и она постоянно видела домашних животных.

– Скорее всего, ее утащили бандиты. Слишком уж она добрая.

– Но живность-то ловит!

– Жрать захочешь, поймаешь! – возразил Веронике Митька. – А ты ее часто видела раньше? Участковый приезжал к вам с ней?

– Нет. Пару раз только. Он всегда приезжал на служебной машине. Собака оставалась дома. Но, думаю, он с ней хоро-

шо обращался. Иначе бы она была пугливой и сразу бы к нам не подошла.

– Ты думаешь, что это участковый искал у вас в доме золото? – спросил Митька.

– Не исключаю и этого варианта. Мне просто не на кого больше думать.

– А тетка?

– Ты с ума сошел? Что ей у нас искать-то? Приезжала изредка, навещала нас. И все!

– А где же была Марта, когда участкового убили? – тихо спросил Митя.

– Или дома, или с ним. Но, если бы она с ним была, ее бы тоже пристрелили.

– Скорее всего.

Молодые люди отдыхали перед последним переходом. Вероника сказала, что часа через четыре пути они уже доберутся до места. Дон лежал рядом с Вероникой, а Марта сидела рядом с Митькой. Собаки не особенно ладили между собой, так, просто терпели друг друга, что в очередной раз доказывало, что дружба между участковым и отцом Вероники была не слишком искренней. Ведь собаки чувствуют отношения хозяев. Парень гладил Марту по голове и думал – неужели все же участковый заправлял этими бандитами? Странно, не хотелось бы в это верить. Вдруг его рука коснулась кожаного ошейника собаки, и ему показалось, что под ошейником какое-то утолщение. Он осторожно снял с Марты ошейник

и нашел пришитый с внутренней стороны тряпочный мешочек. Он вытащил из кармана нож, надрезал на тряпице шов и вскрикнул:

– Вероника, иди сюда. Я что-то нашел, какое-то письмо!

Девушка присела рядом с Митькой, взяла у него из рук небольшую сложенную в несколько раз бумажку и пробежала по ней глазами.

– Не может быть! – воскликнула она. – Это письмо от дяди Петра.

– И кому он его написал? – спросил Митька, с любопытством глядя на девушку.

– Мне, конечно! Он специально послал собаку ко мне на заимку. И она пришла, но ее, видимо, что-то спугнуло. Она долго бегала вокруг, а когда мы ушли, она пошла следом за нами. Марта выполняла приказ хозяина, даже после его смерти!

Глава 12. ОТЕЦ И ДЯДЯ ПЁТР

– Что там? – с нетерпением в голосе, спросил Митька.

– Не мешай, дочитаю, расскажу.

– А вслух ты не можешь прочитать? – обиделся парень. – Это же я нашел письмо!

– Да подожди ты! – сказала Вероника и, сложив листок, убрала его в карман штанов.

– И что? Даже не расскажешь?

– Мне надо все обдумать!

– Ты до сих пор думаешь, что я подосланный шпион? – возмутился Митька.

– Прекрати истерику! Придем в избушку, сядем и спокойно прочтем. А потом вместе все обдумаем. Одна голова хорошо, а две лучше!

– А нам далеко еще?

– Я же говорила, еще часа четыре пути. Но это будет трудно. Там вокруг болото, надо идти предельно осторожно, но я знаю дорогу.

– Неужели ты запомнила ее, будучи там всего один раз?

– Нет. Не совсем, но ты сам все поймешь. Часа через два отдыхаем, находим длинные палки и будем пробираться к нашему домику.

– А как же собаки? – испуганно спросил Митька.

– За них не беспокойся, они пройдут. Марта вообще легкая, а Дон, знает этот путь наизусть. Он нас и поведет. Он там бывал с отцом еще пару раз.

Ну, тогда пошли, что-то ты меня напугала. Неужели вокруг одни болота?

– Нет. С другой стороны тайга. А Избушка на поляне, окруженная порослью берез, осин и ёлок... Ее практически не видно. А за большим лесом снова болото. Поэтому туда никто не заходит.

– Ну, а озеро или речка-то там есть? Купаться и рыбу ловить?

– Ты все увидишь сам! – Вероника встала и пошла вслед за Доном. Митька почесал затылок под кепкой и побрел за Вероникой и Доном. Марта крутилась возле него, иногда отбегая в сторону. И он очень беспокоился за собаку.

– Марта, Марта, ко мне! – кричал он, и она сразу прибегала за его зов. – Вот чёртов фикус, как же он мне надоел!

– Хватит орать в тайге, спугнешь медведя, вот тогда раскричишься! – повернувшись к нему, сказала Вероника. – Никуда твоя Марта не денется, придет!

Через два часа они подошли к краю тайги, дальше был густой подлесок, а за ним болото. Немного отдохнув, молодые люди срезали себе крепкие и длинные жерди, и начали пробираться через заросли подлеска.

Тоже не слишком-то легкий путь! – подумал Митька, таща за собой тяжеленную тележку, которая все время норовила перевернуться. На несчастном фикусе листьев почти не осталось. Но упрямая Вероника все время смотрела, не потерял ли Митька это дорогое ее сердцу дерево в тяжелой кадке. Марта уже ждала их возле края болота и слегка повизгивала.

– Марта! Стоять! – снова заорал Митька.

– Кончай командный голос разрабатывать! – сказала ему Вероника.

– А вдруг она в самую топь залезет?

– Не залезет, не дура! – возразила девушка. – Ну, вот, теперь самое трудное... Надо отдышаться немного!

Дон, стоя на краю болота, ждал команды идти вперед. Он уже проходил этот путь. Вероника, посмотрев на Митю, строгим голосом сказала:

– Идешь за мной почти след в след. Вон, видишь кочки? Мы будем идти по ним. Они могут быть неустойчивыми, постарайся сохранить равновесие. Держись за поросль и деревца. Если провалишься ногой, пользуйся жердью. Опирайся на нее и вытаскивай ногу. Марта пойдет за Доном. Ну что, пошли?

– Что-то не слишком-то на болото похоже! – посмотрев вперед, сказал Митька. – Травка такая красивая и зеленая!

– Это не травка, это топь! Туда ни ногой! Дон, вперед! – приказала Вероника. Дон осторожно двинулся вперед, переступая с кочки на кочку, следом за ним шла Марта.

Митька старался идти за Вероникой, кочки были немного трясущиеся, но с равновесием он справлялся, только вот эта противная тележка все время куда-то проваливалась, хотя он привязал ее на две длинные жерди и тащил ее почти волоком. Ему с нечеловеческими усилиями, приходилось вытягивать ее на поверхность одной рукой, другой держась за кусты и невысокие тонкие березки.

Шли долго, иногда останавливаясь, чтобы немного передохнуть. Руки и ноги у Митьки тряслись, но он нормально выдержал и это испытание.

– Ну вот! – вытерев пот со лба, проговорила Вероника. –

Мы его прошли.

– Нежели, – едва ворочая языком, простонал Митька и рухнул на твердую землю. Вероника тоже отдыхала, рядом с ней сидели собаки. Им оставалось пройти буквально сто метров через поросшую мелкими деревцами поляну.

– Неужели мы пришли? – спросил Митька.

– Да. Считай, что мы дома! А ты молодец! Отлично выдержал путь. Тебе московскому парню, впервые оказавшемуся в таких экстремальных условиях, было действительно трудно!

– Давай уже дотащимся до домика, а там переоденемся и, может, купнёмся. Легче будет.

– Да. Там есть небольшое озерцо, чистое. И рыба в нем водится. А отдыхать еще не скоро будем. Надо зимовье расконсервировать, протопить, все высушить... Дел – до ночи!

– Боже! Когда же это кончится! – засмеялся Митька.

– Скоро, все уже позади! Пошли что ль?

– По-о-шли...

Митька отвязал жерди с тележки и побрел за Вероникой и собаками.

Вскоре они подошли к небольшой рощице, Дон весело завилял хвостом и скрылся в поросли невысоких деревьев. Марта обернулась, посмотрела на Митьку, и тоже убежала.

Избушка стояла в окружении деревьев, которые полностью скрывали ее от посторонних глаз, хотя никаких посто-

ронных глаз тут быть и не могло. Разве только звериных!

Митька с восторгом осмотрел зимовье со всех сторон, попробовал дверь – крепка ли, пощупал рукой толстые бревна сруба, и, отойдя в сторону, воскликнул:

– Класс! Вот твой батя избушку выстроил. Настоящий дом!

– Ну, коли настоящий – милости просим, будьте гостем! – И открыла дверь.

Первыми влетели обе собаки и стали все обнюхивать. В основном этим занималась Марта. Дон все запахи помнил и знал. Он тяжело вздохнул, и, положив голову, на лапы улегся возле печки.

Молодые люди, посмотрев на это, не смогли сдержать улыбки.

Весь оставшийся день Вероника и Митя убирались в избушке, вернее, в избе. Домик оказался не таким уж маленьким, во всяком случае, не таким, каким его представлял себе Митька. В нем были две маленькие комнатки, отапливаемые одной печью, небольшие сени и хозяйственный отсек. Где предполагалось держать какую-нибудь живность. А сейчас там были стеллажи с инструментами. Стояли ведра, кадки и всякий хозяйственный скраб. С задней стороны домика был пристроен дровяной сарайчик. Дров там было прилично. Но на зиму надо было еще много напилить, чтобы хватило до весны.

– Как твой отец мог сотворить такое в одиночку? – уди-

вился Митя.

– Он у меня был рукастый, и очень трудолюбивый. А потом... Судя по тому, что я узнала перед его смертью, он собирался, в случае чего, перевезти сюда нас с матерью. Жить особняком, чтобы никто не нашел.

– Как староверы!

– Типа того!

– А ты была тут только один раз?

– Да. Сразу после смерти мамы. Отец не захотел оставлять меня так надолго одну. И мы пришли сюда вместе. Это была самая счастливая зима в моей жизни. Хотя я очень страдала по маме. Он тоже страдал, поэтому и пришел сюда. И хотел тут кое-что доделать. Я ему помогала. Нам было хорошо, – девушка замолчала и на глазах у нее показались слезы.

– Мне очень жаль, Вероника. Но он должен был знать, что рано или поздно его найдут. И жизнь, уже налаженная и счастливая превратится в ад. Зря он с этим золотом связался.

– Что еще может сказать будущий милиционер...

– Надо было его отдать. И его оставили бы в покое.

– Не оставили бы! Там было уже не все. Что-то он ведь реализовал. Стали бы требовать и это. А если бы не отдал, убили бы.

– Они и так его убили!

– Да. Ты прав. Убили. Вероника взяла ведро с водой и стала мыть пол в доме. Окна открыли, чтобы проветрить комнаты, выгнать спертый воздух. В дом ворвался свежий вете-

рок с запахами уже почти осенней листвы. Митька втащил в дом тележку, вытащил кадку с практически облетевшим фикусом, и спросил у Вероники:

– Ну, и куда ставить твоё драгоценное дерево?

– Поставь к окну. Вид у него, конечно, теперь жалкий, но это самое дорогое дерево в мире!

Митька поставил кадку на деревянную табуретку, снял с почти голого дерева несколько травинок, отошел от него, критически осмотрел, и решил, что у Вероники слишком маниакальное отношение к этому огрызку, который раньше назывался фикусом...

Когда стемнело, и молодые люди после сытного ужина, сидя за столом, пили чай, а уставшие собаки мирно спали у печи, Митька вспомнил о письме участкового. Над столом висела керосиновая лампа и мягко освещала комнату, было уютно и тепло, страшно хотелось спать, но любопытство перебороло усталость.

– Давай прочтем письмо дяди Петра, – попросил Митька. – Ты так и не рассказала, что он там написал.

– Может, завтра? Еще постели стелить. Ты где будешь спать? В этой комнате или в дальней?

– Мне все равно. Не заговаривай мне зубы. Доставай письмо, прочтем и на боковую. Завтра снова много дел.

– Ну, давай, уговорил. Вероника достала письмо из рюкзака, куда она его убрала после купания, разгладила мятый листок бумаги, и начала читать:

« Милая Вероника, быть может, когда ты найдешь это письмо, меня уже не будет в живых. Прошу тебя, девочка, немедленно уходи с заимки. Возьми только свои вещи, остальное оставь. Бандиты знают, что золото находится в доме, и не оставят тебя в покое. Они найдут его и разделаются с тобой, так же, как с твоим отцом, и, думаю, со мной. Прости меня, я не хотел причинять зла ни тебе, ни твоему отцу, но на меня надавили и я сказал, кто унес золото. Это я тогда подслушал рассказ больного пахана, и тоже долго его искал. Ты, думаю, замечала это, но не могла понять, кто бывал в доме, когда вас с отцом там не было. Только недавно я догадался, где оно. На меня давят. Как только я им скажу, где оно запрятано, меня уберут. Даже блатные, не смогут мне помочь. Этот человек пока не принадлежит к преступному миру, но он жесток и беспощаден, бойся его. Знаю, что когда-нибудь он проколется и будет наказан, но пока берегись его, уходи, уходи, как можно быстрее. Посылаю к тебе Марту, пусть она останется с тобой, позаботься о ней, и прости меня, дурака старого!... Чуть ниже было написано – к тетке не ходи, тебя там ждут, Пётр».

– Ничего себе информация! – задумчиво проговорил Митька.

– Ну, да... Он написал мне то, что я уже знала. Ну, догадывалась...

– Вот и думай теперь, кто тот человек! – вздохнул Митька. – И как мы додумаемся, когда мы заныкались в глухой

тайге!

– Он же ясно написал, что к тетке ходить нельзя! Выходит, я сломя голову, должна была бежать в неизвестном направлении?

– А вдруг он знал об этой избушке и проговорился бандитам?

– Нет. Об этой избушке не знал никто. Ни тетка, ни дядя Пётр. Только отец, и с позапрошлого года я. Я тоже молчала. Да и кому мне говорить-то? Батя мне тогда сказал, когда мы в первый раз сюда пришли – помни, дочь, только здесь твое убежище. Никто не должен знать об этом месте! А я ничего тогда не поняла. Думала это игра какая-то. Мне было-то 16 лет всего!

– А вдруг он сам проговорился, когда его пытали, перед смертью?

– Нет. Он не мог. Я в этом уверена. И Дядя Петро тоже не знал, что у нас есть этот домик в тайге. Про все остальные зимовья знал. А про этот ни одна душа не знала. Отец его долго строил, несколько лет. Ходил сюда один и по несколько недель пропадал. Уходил в тайгу, и видно, сюда заходил. Видишь, скарб тут весь есть, наверное, из других избушек все переносил потихоньку. Чтобы в случае опасности, сюда семью привести.

– А продукты откуда? Столько всего! И крупа, и чай, и соль с сахаром, – рассматривая содержимое железных банок на стеллажах, спросил Митька.

– Что-то он приносил раньше. И мы с ним в позапрошлом году сюда много принесли. Вдвое больше, чем нам надо. Вот и осталось. Но экономить придется. Охотиться будем, рыбу ловить. Не пропадем! – сказала Вероника.

– И сколько же нам тут сидеть? – испуганно смотря на девушку, спросил Митька?

– Ой, не знаю! Вообще ничего не знаю... И почему дядя Пётр не написал, кого бояться-то надо, кто тот человек, который бандитами управляет?

– Да он вообще ничего не написал толком, только предупредил тебя, чтобы ты уходила, и что у тетки засада. Ну... И прощения перед смертью попросил. – Потом подумал, и спросил у Вероники, – а это точно он писал? Ты почерк его знаешь? Вдруг это бандиты маляву эту в ошейник к собаке запихнули и скоро тут будут. Проследили за ней...

– Ох, Митька, у тебя просто паранойя! Как они могли проследить за ней, когда она долго сама к заимке не подходила. Боялась, видно, их. Она их знала! А почерк, точно его. Видела я частенько, как он писал акты о задержании браконьеров. Во всяком случае, похож.

– Ну, попали мы с тобой! Теперь тут век куковать? А как же мой институт, родители? И дядька, наверное, с ума сходит!

– Небось, тайгу прочесывают! – засмеялась Вероника. – Это точно, попали мы с тобой в засаду и это совсем не смешно!

Митька посидел немного молча, будто что-то соображая, потом с любопытством взглянул на Веронику и спросил:

– А ты? Так и не нашла золото? Им оставила?

Вероника посмотрела на него долгим, и как Митьке показалось, слегка презрительным взглядом, и сказала:

– Пора спать. Особенно таким недогадливым будущим милиционерам!

Глава 13. **ПОИСКИ**

Куда они могли запропасться? – думал Виктор. Он стоял возле сгоревшей дотла заимки. Разобрав сгоревший дом, эксперты установили, что во время пожара в доме никого не было. А это означало, что Вероника и Митя ушли из дома до пожара. Также было установлено, что подожгли дом не они, а бандиты. Следы, которые остались возле сгоревшего дома принадлежали не Митьке, и не Веронике. По размеру сапог выходило, что это Ржавый. Да и пальцы на сильно обгоревшей, но почему-то уцелевшей канистре соответствовали отпечаткам Ржавого. Виктор думал, зачем бандитам надо было жечь пустой дом? Кстати, возле дома, чуть поодаль, были найдены еще одни следы от мужских ботинок. И несколько окурков от сигарет, марки ЯВА. Виктор знал, что Митька не курит, Вероника тоже. А Ржавый наверняка курил более дешевые сигареты, если он вообще курил. Значит, пока Ржавый обливал бензином дом, кто-то стоял и наблюдал

за этим. То, что ребята куда-то ушли, и с ними пока ничего дурного не случилось, он знал из записки племянника. Но вот куда они могли деться? Уже давно подали бы весточку, но никаких известий не было. Бандиты тоже, как сквозь землю провалились. Затаились где-то и сидят. А хуже того – может, ищут, также как и милиция, исчезнувших молодых людей. Виктор на днях заходил к тетке Вероники, но она сказала, что не получала ни писем, ни записок от племянницы и очень волнуется не погибла ли она. Женщина плакала, и Виктор видел, что она искренне переживает за Веронику. Во время разговора с Анной, Виктору показалось, что за дверью соседней комнаты кто-то стоит и подслушивает их разговор.

– Вы не одна в доме? – спросил Виктор.

– Нет. Я сдаю комнату.

– А документы вы у этого человека проверяли, он прописан?

– И проверяла и прописала, еще у старого участкового разрешение получала на прописку. Да Вы не думайте, человек приличный, не из швали какой... И одевается хорошо и разговор вежливый. Солидный такой, красавец. Блондинистый! Все девки в деревне ко мне бегают и спрашивают, надолго ли к нам, женат ли. Прямо с ума все посходили!

– Не обо мне ли речь, хозяйushка? – из комнаты вышел высокий красивый мужчина со светлыми волосами. Одет он был в импортную куртку, каких в Райцентре не купишь. Явно приезжий из города на поиски приключений.

– Да. О Вас. Надолго ли в наши края? И с какой целью приехали? – спросил Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.